

Архимандрит Августин (Никитин)

КАЗАНСКИЙ СОБОР САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

К 200-летию юбилею

Статья представляет собой исследование по истории Казанского собора Санкт-Петербурга с момента строительства церкви Рождества Пресвятой Богородицы в эпоху Анны Иоанновны (1733 г.) до возведения на этом месте величественного Казанского собора при императоре Александре I (1811 г.) События из истории собора рассматриваются в контексте общей политической истории Российского государства. Приводятся многочисленные свидетельства как отечественных, так и зарубежных авторов и очевидцев описываемых исторических событий.

Ключевые слова: Казанский собор Санкт-Петербурга, архитектура, искусство, А.Н. Воронихин, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, переворот 1762 г., Екатерина II, Павел I, Александр I, М.И. Кутузов.

Эпоха Анны Иоанновны (1730–1740)

Из содержания архивных документов следует, что уже вскоре после основания Санкт-Петербурга на Петербургской стороне стояла небольшая часовня с иконой Божией Матери Казанской, привезенной в 1710 г. по приказанию Петра I из Москвы.

Когда Петр I решил открыть России выход к Балтийскому морю и начал борьбу со Швецией, он взял эту икону «в путеводительницу своему воинству и в день брани на шведов в щит и покров и, победив до конца врага помощью Богоматери, основал на реке Неве новую столицу русского царства. А святую икону Божией Матери, как ограждение и освящение новой столицы, в сердце города поставил»¹.

Согласно преданию, эта икона была чудесным образом найдена в 1579 г. во время штурма Казани — до этого она явилась девятилетней девочке Матроне, дочке купца Онучина. В 1613 г. чудотворную икону несли впереди народного ополчения во главе с Мининым и Пожарским, которое шло освобождать

Архимандрит Августин (Никитин) — кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской православной духовной академии.

¹ Лавры, монастыри и храмы на святой Руси. Санкт-Петербургская епархия. СПб., 1908. С. 42.

Москву от поляков. Затем икона стала семейной реликвией династии Романовых. Петр I перед Полтавской битвой молился перед ней. А затем повелел перенести икону в новую столицу.

Еще в 1682 г. свт. Митрофан Воронежский пророчествовал юному Петру: «Ты воздвигнешь великий город в честь апостола Петра. Это будет новая столица, благословляю тебя на это. Казанская икона будет покровом для города и всего народа твоего. До тех пор, пока икона Казанская будет в столице и перед нею будут православные, в город не вступит вражеская нога»².

В 1733 г. на Невском проспекте была заложена новая церковь. После освящения церкви 3 июля 1737 г. в нее из часовни перенесли чудотворную икону³. Церковь Рождества Богородицы обыкновенно называли по имени перенесенной в нее иконы Казанским собором⁴. Ко дню освящения церкви Рождества Богородицы императрица Анна Иоанновна возложила на икону новую ризу. Историограф Санкт-Петербурга А.И. Богданов по этому поводу писал: «Называется же сия церковь (Рождества Пресвятой Богородицы) по народному именованию Казанской, потому что в ней имеется местный образ Богородицы Казанской, который, украсив, дорогими камнями, при освящении церкви поставить соизволила вечнодостоинная памяти государыня императрица Анна Иоанновна»⁵. Тот же автор сообщал о том, что этот собор возведен «собственною Ея Величества казною, и числится сия церковь придворная, в которой отправляются всякие торжественные Божии службы»⁶.

В записках академика Якова Яковлевича Штелина (1709–1785), воспитателя великого князя Петра Феодоровича (будущий император Петр III), упоминается об украшениях «придворной церкви Казанской Божией Матери, построенной императрицей Анной на Невской першпективе»: «На главном карнизе поставлены апостолы и другие святые в натуральную величину»⁷.

В Казанском храме совершались не только будничные службы, но и архиерейские богослужения, а также бракосочетания лиц царствовавшей династии. Так, например, в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 10 июля 1739 г. сообщалось о том, что ранее, 3 июля, в Казанском соборе было совершено «закон-

---

²Цит. по: Соколов А. Чудеса Казанского собора // Петербургский дневник. 2011. № 35. С. 11.

³Петров Л., прот. Справочная книга для петербургских богомольцев. СПб., 1883. С. 24.

⁴Авсеев В.Г. 200 лет С.-Петербурга. Исторический очерк. СПб., 1903. С. 199.

⁵Богданов А.И. Историческое, географическое и топографическое описание С.-Петербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб., 1779. С. 305.

⁶Там же. С. 304–305.

⁷Штелин Я.Я. Записки об изящных искусствах в России. Т. 1. М., 1990. С. 161.

нобращное сочетание Ея Высочества благоверныя государыни принцессы Анны (Леопольдовны. — *а. А.*) с его светлостью принцем Антоном Ульрихом, герцогом Брауншвейг-Люнебургским, со учрежденною по церемониалу церемонией»⁸.

Анна Леопольдовна была племянницей императрицы Анны Иоанновны (1730–1740), и ее бракосочетание с Антоном Ульрихом, принцем Брауншвейг-Вольфенбюттельским, было важным политическим событием. В начале 1739 г. о предстоящем браке были оповещены иностранные послы, а 2 июля состоялось обручение. Супруга британского посла, присутствовавшая на церемонии, в письме к подруге рассказывала, что «на принце был белый атласный костюм, вышитый золотом; его собственные очень длинные белокурые волосы были завиты и распущены по плечам, и я невольно подумала, что он выглядит как жертва»⁹.

Венчание и свадьба состоялись на следующий день. От дворца по набережной Невы, а затем к Казанской церкви по Невской перспективе по ходу следования процессии выстроились армейские и гвардейские полки с ружьями, поднятыми на караул. В «Санкт-Петербургских ведомостях» говорилось о том, что «в церкви Пресвятыя Богородицы Казанския на перспективе (Невском проспекте. — *а. А.*) церемонию брака отправлял Его Преосвященство епископ Вологодский»¹⁰. Это торжество сопровождалось проповедью, которую произнес Преосвященный Амвросий (Юшкевич), епископ Вологодский (впоследствии архиепископ Новгородский); текст проповеди тогда же был напечатан с латинским переводом В.К. Тредиаковского.

Новобрачные выслушали приветственное слово «вернейшего их слуги и богомольца» Амвросия, епископа Вологодского, который, помянув и Адама с Евой, перечислил знатных предков жениха, начав от Велфов¹¹. (Спустя два с половиной года Амвросий, уже восславляя Елизавету Петровну, назвал принца Антона и принцессу Анну «сидящими в гнезде орла российского ночными совами и нетопырями, мыслящими злое государству»¹²).

---

⁸ *Савваитов И.* О предике [проповеди. — *а. А.*] Вологодского епископа Амвросия (Юшкевича) на бракосочетании принцессы Анны Леопольдовны с герцогом Антоном Ульрихом 3 июля 1739 г. // Русский архив. 1871. Вып. 2. С. 193.

⁹ *Рондо Д.В.* Письма дамы, прожившей несколько лет в России, к ее приятельнице в Англию // Безвременье и временщики: воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720–1760 гг.). Л., 1991. С. 248–249.

¹⁰ Там же. С. 193.

¹¹ Вологодские епархиальные ведомости. 1870. № 14. С. 485.

¹² Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. 11. С. 155.

В тот же день, 3 июля 1739 г. (ст. ст.), Клавдий Рондо, английский резидент в Санкт-Петербурге (с 1731 по октябрь 1739 г.) отправил донесение в Лондон, на имя лорда Вильяма Гаррингтона, статс-секретаря короля Георга II. Английский посланник писал: «Сегодня, третьего июля, поутру около 11-ти часов, царица, принц и принцесса, великая княжна Елизавета Петровна, герцог и герцогиня курляндские, генералитет и высшее русское дворянство прибыли в церковь св. Казанския (иконы) Богоматери, стоящую при въезде в Петербург, и здесь русский архиепископ совершил бракосочетание принца и принцессы»¹³. По совершении таинства брака прогремел пушечный салют, войска на улице открыли беглый огонь. Вечером во дворце был дан бал, на улицах вспыхнула иллюминация, расцветенные огнями забили «три великих фонтана, а из них для народу белое и красное вино»¹⁴.

Елизаветинская эпоха (1741–1761)

Английские дипломаты внимательно следили за политическими событиями, связанными с Россией, и нередко Казанский собор оказывался в центре их внимания. Так было и в 1743 г., когда Россия заключила в г. Або мирный договор со Швецией. (Опираясь на поддержку Франции и Англии, Швеция пыталась добиться пересмотра Ништадтского договора 1721 г. Русско-шведская война, начавшаяся в 1741 г., не принесла успеха Швеции; в 1743 г. был заключен Абоский мирный договор, по условиям которого границы России и Финляндии продвинулись за Выборг на 60 верст). Тогдашним английским полномочным министром при русском дворе был баронет Кирилл (Сугил) Вейч (с 1742 по 1744 гг.). В своем донесении из Петербурга на имя графа Гренвилла Джона Картерета, статс-секретаря короля Георга II, Вейч сообщал: «В воскресенье, 3 июля, в 7 часов утра великая новость объявлена была пушечной пальбой вокруг дворца. В десять часов Ее Императорское Величество (Елизавета. — а. А.), в сопровождении великого князя, торжественно прибыла в Казанский собор к обедне, после которой отслужено было благодарственное молебствие, раздалось три пушечных залпа у дворца и у Адмиралтейства, а три гвардейских полка, выстроенные перед церковью, стреляли беглым огнем»¹⁵.

---

¹³Рондо К. Письмо лорду Гаррингтону. СПб., 3 июля 1739 г. (14 июля н. ст.) // Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 80. СПб., 1892. С. 510.

¹⁴Там же.

¹⁵Вейч К. Письмо лорду Г.Д. Картерету. СПб., 5 июля 1743 г. (16 июля н. ст.) // Сб. РИО. Т. 99. СПб., 1897. С. 369.

В том же 1743 г., 30 августа (день памяти св. князя Александра Невского), из Казанского собора в Александро-Невский монастырь направился торжественный крестный ход при участии императрицы и кавалеров ордена, учрежденного в честь почитаемого святого. Тогда же было решено ежегодно устраивать торжественную процессию в честь благоверного князя Александра Невского, и Елизавета Петровна запросила мнение Святейшего Синода: «первое, — о пристойности того дела, другое — каким порядком оной церемонии быть, дабы Ее императорское Величество по тому могли оное узаконить»¹⁶. Св. Синод благосклонно отнесся к запросу императрицы. В синодальном докладе отмечалось, что намерение это — об установлении в Санкт-Петербурге крестного хода — «Восточному благочестию весьма сему пристойное». Что же касается практической стороны дела, то «крестоходной церемонии надлежит быть так, как в Москве бывает». А в Москве давно бытовала устойчивая традиция: в день крестного хода «при соборной церкви, откуда ходу быть, благовестие бывает на первом часу дня, и благовестят во все колокола с переменою время немалое», чтобы дать собраться духовенству из разных приходов. И, когда соберется оно и «архиерей прибудет, тогда благовестие начнется в один большой колокол и потом, по начатии в соборной церкви надлежащего к тому ходу молебствия, во-первых несут хоругви, а за ними следуют диаконы, а потом священники и протопопы со святыми иконы и кресты, предносимым свещам, а затем следуют игумены, архимандриты, а потом архиерей», а за ними «светские знатные персоны»¹⁷.

Заручившись благословением Святейшего Синода, Елизавета Петровна вскоре издала указ о ежегодном совершении крестного хода 30 августа (ст. ст.): «Каким образом минувшего августа 30 дня на праздник перенесения мощей святого благоверного князя Александра Невского, по все милостивейшему Ея Императорского Величества соизволению, крестное хождение в Невский монастырь из церкви Казанския Пресвятыя Богородицы и отправлено. <...> А сего сентября 7 дня <...> повелено в предбудущие годы оное крестное хождение отправлять на тот день, как отправлено того прошедшего 30 августа, во всем непременно»¹⁸. (Это церковное шествие стало в Санкт-Петербурге главным и было запрещено большевиками в конце 1920-х гг.).

---

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). № 8779. Т. 11 (1740-1743 гг.). СПб., 1830. С. 893.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

21 августа 1745 г. в соборе Рождества Богородицы (Казанская церковь) было совершено торжественное бракосочетание великого князя Петра Феодоровича с великой княжной Екатериной Алексеевной (будущая императорская чета Петр III и Екатерина II). Российская столица долго готовилась к торжеству, и в этот день город приобрел праздничный вид. Вот что предписывалось «благородным сословиям»: «Для достойного чествования высокоблагочестивых дозволено служащим лицам, первых 4-х классов, для шитья приличных костюмов и обзаведения экипажами <...> выдавать вперед оклады жалования за весь год и разрешено, особым указом: купцам выписывать из-за границы золотую бахрому и материи. Да и прочим всем, как в 5 и 6 классам находящихся персон, во время сего торжества, хотя не для церемонии, однако же для приездов ко Двору, платье свое и экипажи свои по пристойности каждого хорошие иметь»¹⁹.

Переворот 1762 г.

С Казанским собором связано одно из драматических событий русской истории второй половины XVIII века — приход к власти Екатерины II в 1762 г. в результате дворцового переворота. Об этом сообщал барон А.Ф. фон Ассбург, датский посланник в Петербурге с 1765 по 1768 г. Дипломат прибыл в российскую столицу уже после свершившихся событий, но он довольно подробно передал суть дела со слов Н.И. Панина, с которым он ранее познакомился в Стокгольме, где оба они занимали дипломатические посты. Итак, согласно сообщению фон Ассбурга, «Ее Величество (Екатерина. — *а. А.*) приехала в столицу (из Петергофа. — *а. А.*) около шести часов <...> приняла от гвардии присягу в верности и в 8 часов утра прибыла к Казанскому собору в сопровождении всех четырех полков. <...> Панин в приготовленной на улице карете привез великого князя (Павла Петровича. — *а. А.*) в собор, а оттуда Ее Величество проследовала в новый дворец. Там состоялся первый манифест. Затем императрица велела Синоду и Сенату собраться в деревянном дворце и сама туда отправилась с Великим Князем; в церкви этого дворца Сенат, Синод и все вельможи, бывшие налицо, присягнули ей»²⁰.

За время своего недолгого правления Петр III нередко вмешивался в дела Греко-Российской Церкви, пытаясь навязать ей протестантские установления. Это вызывало недовольство как православного духовенства, так и прихожан, что было учтено Екатериной II во время событий 1762 г. Манифест, который

---

¹⁹Петров П.Н. История Санкт-Петербурга. СПб., 1885. С. 493–494.

²⁰Ассбург А.Ф. фон дер. Записка о воцарении Екатерины II // Русский архив. 1879. Т. 1. С. 369.

оглашался 28 июня во время приведения жителей столицы к присяге, начинался с «церковного вопроса»: «Всем прямым сынам отечества Российского явно оказалось, какая опасность всему Российскому государству начиналася самым делом, а именно: закон наш православный, греческий, перво всего восчувствовал свое потрясение и истребление своих преданий церковных. Так что Церковь наша Греческая крайне уже подвержена оставалася последней своей опасности, переменою древнего в России Православия и принятием иноверного закона...»²¹.

А вот свидетельство другого очевидца переворота 1762 г., маркиза П. де Альмодовара, полномочного испанского посланника, жившего в Петербурге в 1761–1763 гг. Его перу принадлежит уникальный документ, озаглавленный «Описание вступления на престол Екатерины II, составленное П. де Альмодоваром». Маркиз де Альмодовар повествует о том, что Екатерина подняла Измайловский гвардейский полк; «также она собрала Синод, духовенство и других важных особ, а в Казанском соборе, который является главным, все было готово к принятию Ее Величеством присяги», — пишет испанский автор, добавляя, что «этот собор находится на той же улице, на которой я живу»²².

Далее маркиз описывает военные перемещения по Петербургу, и снова Казанский собор оказывается в центре событий, поскольку гвардия устремилась именно к этому храму. «На подступах к Казанскому собору и дворцу к ним также присоединилась толпа простолюдинов, вооруженных топорами»²³, — сообщает испанский дипломат. Хотя дальнейшее повествование Альмодовара совпадает с сообщением фон Ассбургга, некоторые детали его рассказа все же представляют несомненный интерес. Итак, участники переворота стягиваются к Казанскому собору. «В карете ехал великий князь в сопровождении своего воспитателя графа Панина и камергера Теплова, которые спешно подвезли его к Казанскому собору, где <...> дожидалась императрица, его мать, — пишет посланник. — По окончании церемонии приведения к присяге Ее Величество и Его Высочество отъехали от собора в простой карете, запряженной двумя белыми лошадьми»²⁴.

Участники событий проследовали в новый Зимний (каменный) дворец, где «во дворцовой церкви отслужили молебен, и императрица с великим князем в

---

²¹ Цит. по: *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга... С. 655.

²² Россия и Испания. Документы и материалы 1667–1917 гг. Т. 1. М., 1991. С. 182.

²³ Там же. С. 183.

²⁴ Там же.

богатой парадной карете проследовали в старый Зимний дворец и много раз в течение дня появлялись перед публикой»²⁵.

Очевидцы событий 28 июня уделяют большое внимание решительным действиям Екатерины II и лишь кратко упоминают про великого князя Павла Петровича (будущего императора Павла I). А между тем его положение в этот день было не менее драматичным. Французский историк П. Моран приводит на этот счет интересные подробности, почерпнутые им из воспоминаний современников и очевидцев переворота. «Великий князь не был с матерью в Ораниенбауме; он оставался под надзором Панина в Зимнем дворце, — пишет П. Моран. — При входе в Казанский собор императрица вспомнила о нем и послала за ним. Несколько гвардейцев, непричесанных и без шапок, захватив несколько повозок, поспешили во дворец. Один офицер, с многочисленным конвоем проник в покои Павла. Ребенок, смутно знавший об опасностях, которые угрожали ему со стороны Петра III-го, проснулся и, видя себя окруженным солдатами, пришел в испуг. После безуспешных попыток его успокоить, Панин взял его на руки и унес. Вскоре показалась выезжающая из дворца через садовые ворота плохо запряженная четверкой лошадей старая карета с двумя кучерами и ливрейным лакеем; ее сопровождали пятьсот гвардейцев под начальством полковника Мелессино. Карета доставила в собор ребенка «в ночном чепчике и неодетого», его воспитателя Панина и Теплова. В то время как священники торжественно провозглашали Екатерину императрицей, Павел произносил формулу присяги.

По окончании церемонии Павла усадили в карету, запряженную парой убогих белых лошадей, которая доставила его к новому каменному дворцу, где его встретила императрица. Она с балкона представила его солдатам и народу. Возгласы и клики усилились, и вся толпа дружно бросала в воздух шапки»²⁶.

В 1809 г. в Тюбингене вышла книга, посвященная России. Ее автор — Георг фон Гельбиг (сконч. 1813 г.) — в 1787–1796 гг. был секретарем саксонского посольства при Дворе Екатерины II. В своем сочинении «Русские избранники» (*Russische Günstlinge*. Тюбинген, 1809) он упоминает про Александра Вильбуа, француза по происхождению, который при Петре III занимал влиятельную должность генерала-фельдцейхмейстера. Пути Екатерины и Вильбуа пересеклись именно в день переворота, и будущая императрица, по пути в Казанский собор, сумела склонить его на свою сторону.

---

²⁵Там же.

²⁶*Моран П.* Павел I до восшествия на престол (1754–1796). М., 1912. С. 39–40.

«Именно 28 июня (1762 г.), когда Екатерина из гвардейской казармы ехала в Казанский собор, она встретила фельдцейхмейстера Вильбуа, который при вести о революции (перевороте. — *а. А.*) спешил в цейхгауз, — пишет Георг Гельбиг. — Императрица приказала остановить его и позвать к ней. Как только Вильбуа, по ее требованию, вступил на подножку кареты, чтобы поговорить с нею, она сделала ему незначительную льстивую улыбку, которую он принял, быть может, за ласку. Она этим выиграла в свою пользу человека, который мог верной преданностью своему государю (Петру III. — *а. А.*) уничтожить революцию (переворот — *а. А.*) в самом ее начале»²⁷.

Драматические события 1762 г. заинтересовали Александра Дюма, побывавшего в Санкт-Петербурге в 1858 г. В своей книге «Путевые впечатления в России» известный романист знакомит своих читателей с некоторыми обстоятельствами переворота 1762 г. и при этом он ведет свой рассказ от лица самой Екатерины II.

«За пять верст от города (Санкт-Петербурга. — *а. А.*) встречаю старшего Орлова с князем Барятинским-младшим. Князь уступает мне место в экипаже, так как мои лошади измучены, и мы останавливаемся в казармах Измайловского полка. Там только двенадцать солдат и барабанщик, который начинает бить тревогу. Появляются солдаты, они целуют мне ноги, руки и одежду, называют меня спасительницей. Двое приводят под руки священника и приступают к присяге. Покончив с этим, они просят меня сесть в карету. Священник с крестом идет впереди. Мы едем в Семеновский полк. Весь полк выходит нам навстречу с криками «Виват!». Мы едем в церковь Казанской Божьей Матери. Здесь я выхожу из кареты. Является и Преображенский полк, тоже с криками «Виват!». Солдаты говорят: «Мы просим у вас прощения за то, что прибыли последними; офицеры не пускали нас, но мы арестовали четверых, чтобы доказать вам нашу преданность — ведь мы хотим того же, чего и наши братья». Затем прибыли конные гвардейцы. Я никогда еще не видела такой бурной радости. Они кричали, что их родина теперь свободна. Это происходило между садом гетмана и Казанской церковью. Конная гвардия была в строю во главе с офицерами. Так как я знала, что моего дядю, князя Георгия, которому Петр III отдал этот полк, ненавидят солдаты и офицеры, я послала пеших гвардейцев к нему домой с поручением просить его не выходить на улицу, чтобы с ним чего-нибудь не случилось. Однако ничего не вышло, полк уже послал кого-то с поручением

---

²⁷ Гельбиг Г. фон. Русские избранники и случайные люди // Русская старина. 1886. Апрель. С. 94–95.

арестовать его. Дом разграбили, его избили. Я поехала в новый Зимний дворец, где собрались Сенат и Синод. Наскоро составили манифест и текст присяги»²⁸. (Надо ли говорить о том, что Александр Дюма заимствовал это описание из записок самой императрицы Екатерины II?)²⁹

А в это время сторонники императора Петра III послали к нему гонца с сообщением о перевороте. В записке содержались следующие слова: «Гвардейские полки восстали; во главе их императрица; бьет девять часов, она входит в церковь Казанской Божьей Матери, народ, по-видимому, следует за ней, а верные подданные Вашего величества не показываются»³⁰. Но время уже было упущено; теперь оно работало на Екатерину...

Эпоха Екатерины II (1762–1796)

Вскоре после восшествия на престол Екатерина II публично подтвердила свою верность православию. 30 августа 1762 г. императрица участвовала в крестном ходе от Казанского собора в Александро-Невский монастырь и присутствовала там за богослужением со своей свитой³¹. 22 октября государыня распорядилась «сто рублей послать к Казанской церкви»³². А через год после ее восшествия на престол в Казанской церкви снова имели место торжества. Тогдашний австрийский посол в России граф Мерси д'Аржанто в своем письме на имя австрийского канцлера графа Венцеля Кауниц-Ритберга сообщал: «Торжественный въезд Ея Величества императрицы всероссийской в здешнюю столицу был назначен на 9 число сего месяца (июля 1763 г. н. ст. — *а. А.*), годовщину славного Ея восшествия на престол»³³.

Далее в депеше австрийского дипломата читаем: «Когда все было приготовлено к надлежащему приему здешней Государыни, Ея Величество, в прошедшую субботу, около 8 часов вечера, при парадном выступлении всей гвардии и еще нескольких других полков, к необыкновенной радости и удовольствию жителей столицы, совершила свой торжественный въезд в нее, в лучшем порядке. Его императорское Высочество Великий князь (Павел Петрович. — *а. А.*) си-

---

²⁸ Дюма А. Путевые впечатления в России. Т. 2. М., 1993. С. 270–271.

²⁹ Ср.: Записки императрицы Екатерины II. М., 1989. С. 564–565.

³⁰ Там же. С. 282.

³¹ Петров П.Н. История Санкт-Петербурга... С. 658.

³² Приказание Екатерины II от 22 октября 1762 г. // Сб. РИО. Т. 7. СПб., 1871. С. 170.

³³ Донесение графа Мерси д'Аржанто императрице Марии-Терезии и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу от 12 июля 1763 г. / Изд. Г.Ф. Штендмана // Сб. РИО. Т. 46. СПб., 1885. С. 546.

дел напротив своей августейшей матери в великолепной карете, запряженной восемью конями. Русская государыня была принята в различных частях города начальниками коллегий, у храма же Казанской (иконы) Божией Матери знатнейшим духовенством, почтительно принесшими Ея Величеству надлежащее поздравление с благополучным возвращением из Москвы»³⁴.

При входе в Казанский собор императрицу встречал архиепископ Санкт-Петербургский и Шлиссельбургский Гавриил (Кременецкий; 1762—1770; будущий митрополит Киевский и Галицкий) с духовенством. Екатерина II, выйдя из кареты, вошла в собор, где при входе стояли семинаристы в белых стихарях. При появлении государыни они запели похвальную песнь императрице, а затем преосвященный Гавриил отслужил молебен. Когда, приложившись ко кресту, Екатерина вышла из собора, грянуло 85 выстрелов с Петропавловской крепости и 84 — с Адмиралтейства³⁵.

В следующем, 1764 г., на территории, прилегающей к Казанскому собору, начались работы по благоустройству заболоченных земель. Вот что сообщает об этом Я.Я. Штелин: «Одним из самых полезных деяний в городе Петербурге бесспорно является превращение болота позади императорского Конюшенного двора у церкви Казанской Божией Матери и лавок (посредством введения Мойки возле Конюшенного двора) в проточный канал с укрепленными берегами и соединение его с гнилым ручьем, называемым Глухая речка (которая, соединяясь с Фонтанкой у Калинкина моста, неторопливо течет в залив), — пишет немецкий автор. — Во время этой работы была без необходимости раскопана и закрыта Невская перспектива и проложена дорога вокруг Казанской церкви через временный мост, который столь же хорошо мог быть сооружен на перспективе над тем же самым каналом»³⁶. Нередко в Казанском соборе праздновались различные события: заключение мира, победы над неприятелем и тому подобное. «Официальные праздники, как дни рождения членов императорской фамилии, дни событий, праздники орденов, почитаются как религиозные»³⁷, — отмечал один из рыцарей Мальтийского ордена, посетивший Петербург в период правления Павла I. Впрочем, традиция эта уже вполне сложилась намного ранее, во времена Екатерины.

---

³⁴ Там же. С. 545–546.

³⁵ Петров П.Н. История Санкт-Петербурга... С. 678.

³⁶ Штелин Я.Я. Записки... С. 215.

³⁷ Записка баварца о России времен императора Павла / Пер. с франц. рукописи / Пуб. Е. Шумигорского // Русская старина. 1899. Т. 99. С. 557.

29 сентября 1773 г. в Казанском соборе состоялось торжественное бракосочетание великого князя Павла Петровича (будущий император Павел I) с принцессой Гессен-Дармштадтской, при Святом Миропомазании нареченной великой княжной Наталией Алексеевной. Венчание, как и присоединение к Православию невесты, совершал преосвященный архиепископ Санкт-Петербургский и Ревельский Гавриил (Петров-Шапошников; будущий митрополит)³⁸. По случаю заключения династического брака в соборе была произнесена другим архиереем, Иннокентием (Нечаевым), прочувственная проповедь, позже опубликованная³⁹. (Серебряные с позолотой венцы впоследствии хранились в ризнице Казанского собора).

Вот как описывает это событие П. Моран: «Хотя Екатерина ограничила к большому недовольству дворян, насколько это было возможно, количество приглашенных, но зато придала торжеству большую пышность. Колокола звонили, пушки палили в тот момент, когда в Петербург неожиданно приехал преисполненный важности Дидро. И если философ был неприятно разочарован, узнав, что артиллерийские салюты производились не в честь его, то зато, смешавшись с толпой, он мог, по крайней мере, наблюдать любопытное зрелище: огромный кортеж с большой торжественностью направлялся от царского дворца к собору Казанской Божией Матери; в его центре была императрица в золоченой повозке, запряженной восьмеркой лошадей; ее сопровождал конвой кавалергардов с Григорием Орловым во главе и с Алексеем сзади. <...> Толпы народа, привыкшего к военному великолепию, восторженными кликами приветствовали поезд (процессию. — *а. А.*) и в течение нескольких дней на всех перекрестках проспекта пили и плясали. По возвращении из собора был сервирован обед в Тронном зале дворца»⁴⁰. А в следующем, 1774 г., Екатерина II снова обратилась к Санкт-Петербургскому архиепископу Гавриилу: «Преосвященный Владыко Гавриил! Я намерена в завтрашний день, то есть в воскресенье, принести благодарственные Всевышнему молитвы за дарованный мир в церкви Казанской Богородицы.

---

³⁸ *Макарий (Миролюбов), архиеп.* Сказание о жизни и трудах преосвященного Гавриила, митрополита Новгородского и С.-Петербургского. СПб., 1857. С. 44.

³⁹ *Иннокентий (Нечаев), архиеп.* Слово в торжественный день бракосочетания Их Императорских Высочеств благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича и благоверных государыни великой княгини Наталии Алексеевны, проповеданное синодальным членом Иннокентием, архиепископом Псковским и Рижским, в Санкт-Петербургской Казанской церкви 1773 года сентября 29 дня. СПб., 1773.

⁴⁰ *Моран П. Павел I...* С. 121.

Екатерина. 1774. 2 августа. С.-Петербург»⁴¹. На этот раз речь шла о мирном договоре, заключенном после завершения русско-турецкой войны 1768–1774 гг. О том, как проходили эти торжества, рассказывает П.Н. Петров, автор книги «История Санкт-Петербурга» (СПб., 1885).

На 3 августа (1774 г.) назначено было торжественное молебствие в Казанском соборе. Туда государыня прибыла утром в 10 часов, со свитой в 22-х экипажах в большом параде, по церемониалу. В собор приглашены (были) все послы; собрано было духовенство всех столичных церквей и, в полном собрании — члены Синода. Служил Гавриил и, после молебствия, произнес слово. После речи Преосвященного было читано донесение Румянцева, по прочтении — пальба; при пении «Тебе Бога хвалим!» — вторичные залпы. Шествие из храма Высочайших особ было по Миллионной, в Летний дворец. По начатии шествия государыни, от собора отделился кортеж 100 человек конной гвардии с майором Давыдовым — для объявления жителям столицы в 5 местах: у Аничкова моста, против Караванной, на Сенной и перед Сенатом; перед Коллегиями, на Васильевском острове и на Петербургской стороне. Вестники мира имели «на себе, через плечо перевязь из белого атласа», обложенную узким золотым кружевом, наподобие шарфа, а «в правой руке — пук лаврового ветвия»⁴².

А в конце того же месяца — 30 августа (день памяти св. князя Александра Невского), императрица снова посетила Казанский собор. «Нынче знаменитый день, потому что утром я прошла пешком три версты с половиной за крестным ходом из Казанского собора в Александроневскую Лавру»⁴³, — пишет именитая паломница.

Поскольку Казанский собор занял особое место в связи с событиями 1762 г., то нередко именно к этому дню императрица Екатерина II приурочивала награждение своих сановников. Соответствующие указы оглашались после торжественного молебна в Казанском соборе. Но порой случались и «неурожайные» годы; об одном из них вспоминал управляющий владениями князя Потемкина полковник артиллерии Михаил Гарновский. Итак, лето 1787 г.

«Вся санктпетербургская публика ожидала 28-го дня июня с крайней нетерпеливостью, — пишет М. Гарновский. — Между прочим, носились в ожи-

---

⁴¹ Высочайший рескрипт архиепископу Гавриилу о совершении молебствия по случаю заключения мира с Портою // Цит. по: *Макарий (Миролюбов), архиеп.* Сказание о жизни и трудах преосвященного Гавриила... С. 129.

⁴² *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга... С. 798.

⁴³ Письмо Екатерины II к барону Гримму от 30 августа 1774 г. // Русский архив. 1878. Кн. 3. С. 9.

дании оного слухи, будто бы присланы в Сенат заключающие в себе объявление народу разных милостей указы, которые не прежде распечатать велено, как 28-го июня, по окончании молебствия. Не было в городе того, который бы не ожидал каковой ни есть милости, толкуя об оных каждый по собственным догадкам. В самый день 28-го июня собралось в Казанскую церковь, — так же и окружило оную, великое множество народа, мнимого объявления милостей ожидавшего. Но (так) как нельзя было публиковать того, что тогда здесь еще не существовало, то все разбрелись по домам, утешая друг друга, что объявление таковое отсрочено до Петрова дня; а поелику и в Петров день ничего опубликовано не было, то начали говорить, что милостивые манифесты объявлены будут по прибытии Ея императорского Величества сюда, сентября 22-го дня. Действительное получение потом манифеста, в печатных копиях с сим курьером подносимого, решило каждого судьбу, исключая ожидавших чинов»⁴⁴.

Во время русско-турецкой войны (1787–1791) под сводами Казанского собора нередко совершались молебны во славу русских воинов. В записках статс-секретаря Екатерины II А.В. Храповицкого (1749–1801) сообщается о тех баталиях, в которых турки терпели поражение. В записи от 16 октября 1787 г. читаем: «С удовольствием сказывали, что с 30-го сентября на 1-е октября отбиты турки от Кинбурна; Суворов два раза ранен и не хотел перевязываться до конца дела; похвалена храбрость его. Турок побито больше 4000. 17 октября. При Дворе и в Казанской (церкви) был благодарный молебен и читали реляцию»⁴⁵.

Летопись побед русского оружия продолжает полковник Михаил Гарновский. В своем сообщении от 13 августа 1789 г. он писал: «Шестого числа сего месяца получено известие о разбитии турок под Фокшанами. <...> 9 числа поутру Двор переселился сюда, и того же дня было в Казанской церкви за помянутую победу благодарственное молебствие в присутствии Государыни и Их Императорских Высочеств, нарочно для сего приезжавших из Гатчины, куда они к вечеру опять возвратиться изволили»⁴⁶.

Русско-турецкая война шла к концу, и очередная победа русской армии была отпразднована в Казанском соборе. 11 июля 1791 г. А.В. Храповицкий записал в своем дневнике: «(прибыл) курьер: князь Репнин 28 июня разбил в 80

---

⁴⁴ Записки Михаила Гарновского 1786–1790 гг. // Русская старина. 1876. Т. 16. № 5–8. С. 1–2.

⁴⁵ Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины II. СПб., 1874. С. 42.

⁴⁶ Записки Михаила Гарновского... С. 411.

тыс. (войск) визиря при Мачине, взял лагерь и 40 пушек. Еще курьер привез ключи Анапы и сообщил, что 26 июня турки оставили Суджук-кале. 13 июля. Ездили для молебствия в Казанскую церковь»⁴⁷.

К концу XVIII века население Петербурга значительно возросло, и храм, прежде без труда вмещавший приход, стал тесен. Это заметил аббат Ж.Ф. Жоржель в своих записках, писавший: «Собор Казанской Богоматери, где находится икона Святой Девы, которую считают чудотворной, построен на берегу Екатерининского канала и выходит на самую красивую улицу С.-Петербурга. В этой церкви торжественно собирается императорский двор при праздновании блестящих побед; она не велика и недостаточно вместительна; она представляет прямоугольник; над алтарем возвышается купол; на другом конце храма находится башня с колокольной, где устроены часы. Эта церковь построена посредине обширного, покрытого травой двора и окружена стеной фута в три вышиной, над которой возвышается деревянная окрашенная решетка»⁴⁸.

Аббат Ж.Ф. Жоржель был выходцем из Франции; покинув родину после революции 1789 г., он нашел прибежище в германском приорстве Мальтийского ордена (св. Иоанна Иерусалимского). Присутствуя за православным богослужением, он невольно сравнивал его с католическим: «Алтарь Казанского собора окружен вызолоченной балюстрадой и занавесами с золотой, серебряной и шелковой бахромой. За этой балюстрадой помещается алтарь, а позади занавеса находится жертвенник, престол со Святыми Дарами и священники. Занавес открывается в момент пресуществления, и перед присутствующими появляются Святые Дары: только в этот момент можно видеть совершающего таинство священника. В эту минуту все присутствующие падают ниц и поднимаются только после причастия»⁴⁹.

Записки аббата Ж.Ф. Жоржеля представляют особую ценность и потому, что он был одним из последних иностранных авторов, посетивших Казанский собор до его перестройки в начале XIX века. Вот еще несколько строк, посвященных описанию храмового интерьера: «Казанский собор очень богато украшен: государи щедро одаряли его драгоценностями, — сообщает о. Жоржель. — В торжественные дни я видел там более тысячи горящих свечей, кроме множества зажженных лампад из золота или серебра, которые пылают перед алтарем»⁵⁰.

---

⁴⁷ Памятные записки А.В. Храповицкого... С. 245.

⁴⁸ Жоржель Ж.Ф., аббат. Путешествие в Санкт-Петербург. М., 1913. С. 127–128.

⁴⁹ Там же. С. 129–130.

⁵⁰ Там же. С. 130.

Еще одно сообщение о Казанской церкви до ее перестройки можно найти в «Описании Санкт-Петербурга» И.Г. Георги. Он упоминает про «церковь Казанския Богоматери на Невской перспективе и по правому берегу Екатерининского канала. <...> Колокольня над церковью деревянная и с покрытым жстью шпием имеет вышины 28 сажен, — пишет немецкий автор. — На колокольне бьют часы в колокол по стенным часам, в церкви находящимся. В сей церкви отправляются летом благодарственные молебствия за благополучные приключения при дворе и в государстве»⁵¹.

Годы правления Павла I (1796–1801). Закладка нового собора (1801)

В ноябре 1800 г. император Павел I повелел воздвигнуть вместо церкви Рождества Богородицы великолепный соборный храм во имя Казанской иконы Божией Матери. Проект строительства собора был утвержден императором Павлом I 14 ноября 1800 г. Была создана комиссия по построению собора, председателем которой стал президент Академии художеств граф Александр Сергеевич Строганов.

Однако этому предшествовал конкурс проектов. Одним из участников конкурса был французский архитектор Тома де Томон (Thomas de Thomon), только что прибывший в Россию (1799 г.) Как отмечал И.Э. Грабарь, «первым выступлением Томона в Петербурге было его участие в конкурсе, объявленном в 1799 г. для постройки Казанского собора. Проекты его, план, фасад и разрез — сохранились в собрании Эрмитажа»⁵². (Т. де Томону не суждено было стать победителем в этом конкурсе, но через несколько лет по другому его проекту (1803 г.) было выстроено здание Биржи на Васильевском острове).

Деревянные модели храма представили на рассмотрение такие знаменитые зодчие как Н.А. Львов, Джакомо Кваренги (1744–1817) и А.Н. Воронихин (1759–1814). (Будучи крепостным крестьянином, он в 1786 г. получил от графа А.С. Строганова отпускную грамоту). Дальнейшая судьба этих моделей сложилась по-разному. Модель проекта Казанского собора Н.А. Львова в 1795 г. была передана в Эрмитаж, откуда в 1800 г. вернулась в Академию художеств. Модель Д. Кваренги также хранилась в Академии художеств. Конкурс суждено

---

⁵¹ *Георги И.Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 99.

⁵² *Грабарь И.Э.* Ранний александровский классицизм и его французские источники // Старые годы. 1912. № 7–9. С. 83. (Рисунок проекта Казанского собора помещен там же, иллюстрации № 3–5 между С. 90 и 91. На 1912 г. все томоновские чертежи Казанского собора находились в библиотеке Института инженеров путей сообщения. Там же. С. 96. Примеч. 17).

было выиграть деревянной модели А.Н. Воронихина, и она заняла почетное место в экспозиции Академии художеств. Коллекция подобных моделей была выставлена в залах Академии, и собрание постоянно пополнялось. Однако в 1868 г., «при недостатке места», состоялось собрание членов Совета и профессоров Академии художеств «для рассмотрения моделей разных зданий». И было принято роковое решение: «Модели несуществующих зданий, как лишенные значения, исключить из музея»⁵³. В коллекции Академии художеств из «казанских» осталась лишь «модель раздвижная Казанского собора по проекту А.Н. Воронихина», и еще в 1910 г. отмечалось, что она «имеется на лицо»⁵⁴.

В 1800 г. составление проекта было поручено архитектору А.Н. Воронихину. Проект напоминал здание парижского Дома инвалидов с подражанием фасаду собора святого апостола Петра в Риме (в уменьшенном масштабе). Одним из главных помощников А.Н. Воронихина при постройке Казанского собора был архитектор из Пуры (итальянская Швейцария) Марко Руджия (1754–1834)⁵⁵. О конкретных деталях строительства сообщает граф А.И. Рибопьер. По его словам, «Павел I начал стройку Казанского собора; план составил русский архитектор Воронихин; он же строил его под руководством обер-камергера графа А.С. Строганова. Павел и тут спешил, понукая рабочих; однако ему не пришлось достроить собор: он был окончен при Александре Павловиче»⁵⁶. Строители Казанского собора жили в казармах на Конюшенной площади.

Павел I отпустил большие суммы на строительство нового храма. По словам Г.Р. Державина, в начале 1801 г., «в два месяца тогда сверх всех штатных и остаточных сумм издержано было более 6 миллионов рублей на посылку в Индию донских казаков, на строение Казанской церкви и прочие подобные зательные издержки»⁵⁷.

С возведением Казанского собора торопились, и, во избежание длительных перерывов, пришлось изыскивать «внутренние резервы». Верстах в 35 к востоку от Петербурга, при впадении речки Тосны в Неву, в свое время была выстроена загородная резиденция императрицы Екатерины II. (В 1785 г. Екатерина II утвердила проект дворца для Пеллы, он строился до 1793 г. по проекту архитектора И.Е. Старова). Император Павел I, при своем вступлении на пре-

---

⁵³ Линковский В. Архитектурные модели в России // Старые годы. 1910. Декабрь. С. 11.

⁵⁴ Там же. С. 9.

⁵⁵ Бенуа А.Н. Рассадник искусства // Старые годы. 1909. № 4. С. 202. Прим. 22. (Марко Руджия скончался в Санкт-Петербурге 24 сентября 1834 г.).

⁵⁶ Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // Русский архив. 1877. Т. 1. С. 483.

⁵⁷ Державин Г.Р. Записки. М., 2000. С. 220.

стол, приказал разобрать это сооружение, и строительный материал пошел на постройку Казанского собора и Михайловского замка⁵⁸.

Но в марте 1801 г. император Павел I был убит заговорщиками, и первый камень в основание собора положил его сын — император Александр I. Закладка храма состоялась 27 августа 1801 г. Во время этой церемонии использовались серебряные лопатки и молотки, служившие уже при закладке Михайловского замка при Павле I, — на них лишь переделали императорские инициалы.

Эпоха императора Александра I (1801–1825)

Душой строительства собора был один из первых богачей России граф Александр Сергеевич Строганов (1734–1811). Он финансировал проект из своих личных капиталов; ему же приходилось защищать А.Н. Воронихина от нападков противников. Об этом свидетельствует, например, текст письма графа А.С. Строганова тогдашнему президенту Академии наук Н.Н. Новосильцеву.

«Милостивый государь мой Николай Николаевич!

Комиссия о построении Казанской церкви, представляя мне меморию своею от 14-го числа июня прошлого 1804-го года, что член оной господин статский советник и кавалер Старов поданным в комиссию мнением объявил, сколь опасен образ построения назначаемых по бокам строящейся церкви проездов, уведомила меня, что она противу сего мнения потребовала объяснение от господина архитектора Воронихина, производящего строение оной церкви. Хотя он в поданном им объяснении показывал во всей подробности верность тех исчислений, на коих он основывал прочность сих проездов, но все сие недостаточно было к опровержению возродившегося сомнения, которое обыкновенно неразлучно бывает с новыми сего рода изобретениями. Я же, с моей стороны желая употребить в пользу всякое открытие, приносящее честь изобретателю своему, и не нашед иного средства удалить всякое противумыслие в предлагаемой прочности, предложил комиссии сделать модель, которая бы составляла третью часть проезда по плану в натуре назначенного.

А (так) как сия модель ныне вовсе окончена, то я прошу почтеннейше Ваше Превосходительство отрядить хотя (бы) двух профессоров подведомственной Вам Академии, которые бы при осви-

---

⁵⁸ Воинов В.В. Пелла // Старые годы. 1916. № 12. С. 146.

детельствовании самой модели взяли на себя также труд в присутствии господ членов комиссии вникнуть в те основания и повесить разчисления, на коих г-н архитектор Воронихин основывался в прочности означенных проездов. Г-н инженер генерал фон Сухтелен и граф Павел Александрович Строганов, будучи намерены присутствовать при сем свидетельствовании, то не угодно ли будет и Вашему Превосходительству для поощрения изобретателя удостоить также и Вашим присутствием его изобретение, и назначить день, дабы я мог о сем известить означенных господ посетителей.

Вашего Превосходительства покорный слуга

граф Александр Строганов.

Июля 27 дня 1805 года»⁵⁹.

Строительство нового храма развернулось позади Казанской церкви, где по-прежнему совершались богослужения. Здесь же отмечались памятные даты; об одном таком торжестве сообщал в своих записках очевидец этого события — будущий писатель и обер-прокурор Сената С.П. Жихарев (1787–1860). В его дневнике под 12 декабря 1806 г. читаем: «Нынешний день, по случаю дня рождения государя (Александра I. — *а. а.*), в Казанском соборе был большой съезд всех властей и чинов, к которым присовокупилось огромное стечение народа, — пишет Степан Петрович. — Благодарственное молебствие совершено с коленопреклонением. Митрополит читал молитву так внятно и явственно, что во всех концах церкви было слышно, может быть, и оттого, что вместе с коленопреклонением вдруг водворилась глубокая, необыкновенно торжественная тишина: всякий ловил каждое слово молитвы, заключающей в себе прошение о здравии государя и о даровании ему (победы) над проклятым загигою — Бонапарте. В молебствии участвовал опять Воржский (о. Алексей, придворный протодиакон. — *а. а.*) и при возглашении многолетия, возвышая постепенно голос, на последних словах «многая лета», кончил таким громовым восклицанием, что удивил всех»⁶⁰.

Несколько строк С.П. Жихарев посвятил и новому Казанскому храму:

---

⁵⁹ Письмо графа А.С. Строганова президенту Академии наук Н.Н. Новосильцеву // Старые годы. 1911. № 10. С. 57–58.

⁶⁰ Жихарев С.П. Записки современника. М.-Л., 1955. С. 286–287.

«После обедни ходил взглянуть на вновь строящийся архитектором Ворониным огромный собор. Здание будет великолепное: подражание собору св. Петра в Риме. Воронин был дворовый человек графа Строганова, за талант отпущен им на волю и записан в службу <...> Один из его помощников сказывал, что новый собор должен достроиться года через четыре и что мог бы готов быть и прежде, если б не останавливал недостаток в деньгах, по случаю военных обязательств»⁶¹.

Весной следующего года С.П. Жихарев присутствовал на богослужении в Казанском соборе, и снова — при участии императора Александра I. 16 марта 1807 г. он сделал в своем дневнике краткую запись: «Сегодня с раннего утра Казанская площадь была усеяна народом, а в соборе такая толпа и давка, что я смог прорваться в него с величайшим трудом. Государь, в дорожном экипаже, прибыл в 12 часу; после краткого молебна, приложившись к образам, изволил он отправиться в дорогу, напутствуемый общими благословениями»⁶².

Спустя 10 лет после закладки первого камня строительство Казанского собора было закончено, и 15 сентября 1811 г. (в день коронации императора Александра I) последовало его торжественное освящение, которое возглавил митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий (Подобедов) (1799–1818). Граф Дмитрий Иванович Хвостов (1757–1835), присутствовавший на этом торжестве, написал «Оду на освящение Казанския церкви». Вот ее начальные строки:

Предвечным светом озаренны,
Земныя дивны красоты
Влекут мой разум восхищенный
На горни неба высоты; Сам Царь стремленьем сердца, взора,
Средь вдохновенного собора,
Курит чистейший фимиам;
Сыны российския Державы
Возносят глас: Бог сил, Царь славы,
Взошел в великолепный храм!⁶³

---

⁶¹ Там же. С. 287.

⁶² Там же. С. 423–424.

⁶³ *Хвостов Д.И.* Ода на освящение Казанския церкви 1811 года сентября 15 дня. СПб., 1811. С. 1.

В литературных кругах того времени Д.И. Хвостов был известен как «бездарный стихотворец и метроман, последователь ложноклассицизма». Но в данном случае его «Ода» представляет исторический интерес — как свидетельство современника и очевидца тех событий.

А теперь слово историографу Санкт-Петербурга П.П. Свиньину, который пишет о Казанской церкви (соборе) в прозе. «Освящена самым блистательным образом, в присутствии Его императорского Величества и всей августейшей фамилии. Начиная от Зимнего дворца до самого нового собора стояли в параде войска, все дома и улицы наполнены были народом, к чему благоприятствовала также прекрасная погода. Бывший по сему случаю вокруг сего великолепного храма крестный ход, был самый величественный»⁶⁴.

Почти те же слова об освящении собора находим в заметке, помещенной в «Северной почте»: «Торжество сие происходило самым блистательным образом. <...> Начиная от Зимнего дворца до самого нового собора, стояли в порядке войска здешнего гарнизона. Все места со всех сторон усеяны были народом, к стечению коего благоприятствовала также прекраснейшая погода»⁶⁵.

Особое внимание П.П. Свиньин уделил главной святыне нового собора — Казанской иконе Божией Матери: «По освящении собора на святую икону была положена новая риза из чистого золота, украшенная драгоценными камнями и жемчугом, из коих большая половина принесена в дар государынями и императрицами Елисаветою Алексеевной и Мариєю Феодоровной, а синий драгоценный яхонт — великой княжной Екатериной Павловной»⁶⁶.

Иностранцев, живших в Петербурге, изумляли русские рабочие, строившие Казанский собор. «Им, этим простым мужикам в рваных полушубках, не нужно было прибегать к различным измерительным инструментам; пытливо взглянув на указанный им план или модель, они точно и изящно их копировали. Глазомер этих людей чрезвычайно точен, — сообщал один из зарубежных гостей. — С окончанием постройки собора торопились; несмотря на зимнее время и 13–15 градусов мороза, работы продолжались даже ночью. Крепко зажав кольцо фонаря зубами, эти изумительные работники, забравшись на верх лесов,

---

⁶⁴ Свиньин П.П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. Ч. 1. СПб., 1816. С. 44.

⁶⁵ Цит. по: Санкт-Петербургские ведомости. 2004. 11 сентября. С. 5.

⁶⁶ Свиньин П.П. Достопамятности... С. 48.

старательно исполняли свое дело. Способность даже простых русских в технике изящных искусств поразительна»⁶⁷.

И снова слово графу Д.И. Хвостову.

Здесь собранны искусств громады
Пребудут век в числе чудес;
Здесь зависть потупляет взгляды,
Сретая красоты небес;
Здесь ныне совокупно зрима
Краса Афин и древня Рима;
Здесь новый в Севере Сион,
Презря времен удары грозны,
Расскажет громко в лета поздны:
Кто росс? — каков искусством он?⁶⁸

Почетный храмостроитель граф А.С. Строганов простудился на церемонии освящения Казанского собора и умер через несколько дней, «успев поласкать себе совесть священным изречением: ”ныне отпускаеши раба своего»⁶⁹. Отпевание графа А.С. Строганова состоялось в Казанском соборе, а затем процессия проследовала на кладбище Александро-Невской Лавры (см. Приложение 1).

Вот что пишет об этих событиях Н.И. Греч: «Собор освятили 8 сентября 1811 года, а через неделю он (граф Строганов) скончался и был отпет в новом храме. При сем случае произнесено было надгробное ему слово иеромонахом Филаретом (Дроздовым. — а. А.), что ныне митрополит Московский: оно возбудило общее внимание к таланту юного оратора. Напечатано оно в 1-й книжке «Вестника Европы» на 1812 год. Граф Хвостов довольно хорошо воспел новый собор и удостоился следующей эпиграммы:

Хвостов скропал стихи и, говорят, не худо!
Вот храма нового неслыханное чудо!⁷⁰

---

⁶⁷Северцев (Полилов) Г.Т. С.-Петербург в начале XIX века // Исторический вестник. 1903. Май. Т. 92. С. 632. Статья написана по заметкам иностранцев, живших в Петербурге в начале XIX столетия. Первые из них написаны немцем Х. Мюллером из Лейпцига, напечатавшим свои письма в Майнце в 1815 г. Вторым автором является А. Галеаццо, издавший свои воспоминания в Падуе в 1816 г.

⁶⁸Хвостов Д.И. Ода... С. 5.

⁶⁹Бартенев П.И. Жильбер Ромм (1750–1795). К истории образованности нового времени // Русский архив. 1887. № 1. С. 8.

⁷⁰Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 326.

А теперь слово Г.Р. Державину, написавшему стихотворение «На освящение храма Казанския Богородицы в С. Петербурге»:

Так есть ли силой теплой веры
Мы и невидимое зрим,
Мой дух сквозь непостижны сферы,
Как огнекрылый Серафим,
Парит в обитель душ блаженных,
И в чувствах тонких безмятежных
Молитвы слышит их за нас.
Перед судеб святым ковчегом
Давид по струнам перстов бегом
От гуслей льет сладчайший глас.

Строительство храма обошлось казне почти в 5 миллионов рублей. Казанскому собору суждено было стать уникальным памятником архитектуры русского классицизма. Его скульптурное оформление было выполнено И.П. Мартосом, И.П. Прокофьевым, В.И. Демут-Малиновским, Ф.Ф. Щедриным, С.С. Пименовым. В росписи собора и создании икон для него участвовали В.Л. Боровиковский, А.Е. Егоров, В.К. Шебуев. Кисти В.Л. Боровиковского принадлежало изображение императора Константина и матери его Елены, великомученицы Екатерины и Киево-Печерских чудотворцев Антония и Феодосия. Кисти Карла Павловича Брюллова принадлежал запрестольный образ главного алтаря — Взятие на небо Божией Матери.

Фасад Казанского собора украсили барельефы Федора Гордеевича Гордеева (1749–1810) «Благовещение», «Бегство в Египет», «Рождество Христово» и «Собор Богородицы». Федосий Феодорович Щедрин (1751–1825) выполнил для Казанского собора барельеф «Христос, ведомый на Голгофу». В том же соборе находилась статуя Ф.Ф. Щедрина «Евангелист Лука»⁷¹. Иван Петрович Мартос (1750–1835) украсил Казанский собор барельефами «Источение воды из камня» (1804), «Зачатие Божией Матери» и «Рождество Богородицы» (1807). Он же исполнил бронзовую статую св. Иоанна Крестителя на портике собора⁷². В украшении Казанского собора участвовали скульпторы Иван Прокофьевич

---

⁷¹ См.: Краткое описание Санкт-Петербургского Казанского собора. СПб., 1895. С. 11, 55, 57.

⁷² Там же. С. 12.

Прокофьев (1758–1828)⁷³ и Павел Петрович Соколов (1765—1836). Из работ П.П. Соколова известны «4 евангелиста» и «Святая Троица» в бронзе для дарохранительницы Казанского собора⁷⁴.

Некоторые скульптурные украшения для Казанского собора вышли из мастерской Василия Ивановича Демут-Малиновского (1779–1846). Это статуи св. пророка Илии и св. апостола Андрея⁷⁵. Степан Степанович Пименов (1784–1833) за статую св. равноапостольного князя Владимира, изготовленную для Казанского собора, получил звание академика⁷⁶.

Интерьер Казанского собора украшали и иностранные мастера. Одним из них был французский скульптор Жак Доминик Рашет (Rachette) (1744–1809). Он окончил Академию художеств в Копенгагене, с 1772 г. жил в Гамбурге, откуда в 1779 г. выехал в Петербург. В России его ждала блестящая карьера: с 1785 г. Рашет — академик, с 1800 г. — профессор Российской Академии художеств⁷⁷. Он так долго прожил в России, что может быть назван русским. Рашет настолько сблизился с русским обществом, что современники величали его Яковом Ивановичем. Он создал скульптурные портреты ряда своих современников, в том числе — мраморные бюсты Г.Р. Державина и его жены. По этому поводу великий поэт сложил стихи, где есть такая строфа:

Готов кумир, желанный мною, —
Рашет его изобразил,
Он хитрою своей рукой
Меня и в камне оживил.

«Хитрые» (старое значение этого слова — искусные, изобретательные) руки ваятеля вылепили некоторые барельефы для строившегося тогда Казанского собора: «Вход Господень в Иерусалим», «Взятие Богоматери на небо», «Обручение с Иосифом», «Введение во храм» и «Взятие Христа воинами»⁷⁸.

⁷³Рисунок И.П. Прокофьева для Казанского собора — «Ангел». См.: Старые годы. 1907. Май. С. 171.

⁷⁴Врангель Н.Н. Скульптуры XVIII века в России // Старые годы. 1907. Июль. С. 295. Прим. 170.

⁷⁵Старые годы. 1908. Приложение. С. 58.

⁷⁶Там же. С. 72.

⁷⁷Кобеко Д.Ф. Скульптор Ж.Д. Рашетт и его произведения // Вестник изящных искусств. 1883. Т. 4. С. 636–646.

⁷⁸Краткое описание Санкт-Петербургского Казанского собора. СПб. 1895. С. 11, 12, 57.

Новопостроенный собор стал излюбленным объектом для творчества русских художников. Их картины, гравюры, акварели расхаживались по музеям и частным собраниям. В 1911–1912 гг. в Русский музей императора Александра III поступила акварель И. Иванова «Освящение Казанского собора, 15 сентября 1811 года», с толпой народа и войсками, заполняющими площадь перед собором, вдоль которого длинной лентой тянется процессия с крестным ходом. В центре за духовенством следует император Александр I, с императрицами и свитой⁷⁹. Отдел русских пейзажистов обогатился картиной «Вид Казанского собора» Ф.Я. Алексеева, «с сочно и смело написанными фигурами первого плана и любопытными фигурами зевак на мосту, из-под которого выплывает расцвеченная лодка наподобие гондолы»⁸⁰. А в Третьяковскую галерею поступил исполненный А.Н. Ворониным акварелью вид Казанского собора⁸¹.

Вскоре после завершения строительства Казанского собора его посетила Жермена де Сталь. Французская писательница, ранее побывавшая в Риме, могла сравнить храм святого апостола Петра с Казанским собором: «Я отправилась в Казанский собор, построенный Павлом I по образцу собора святого Петра в Риме, — сообщает французская писательница. — Внутренность церкви, украшенная большим количеством колонн из гранита, очень красива; само здание напоминает (собор) святого Петра и отличается от него тем больше, чем больше хотели сделать его похожим»⁸².

Причину неудачи в осуществлении замысла Ж. де Сталь видит в том, что «за два года не сделать того, на что понадобился целый век первым художникам мира. Русские хотели быстротой преодолеть время и пространство, но время сохраняет только то, что оно создало, а искусство, первым источником которого является вдохновение, не может обойтись без мышления»⁸³.

Однако схожесть обоих храмов весьма велика, в частности, благодаря тому, что Казанский собор снаружи был отделан пудожским камнем, имеющим

---

⁷⁹ *Нерадовский П.И.* О некоторых новых приобретениях Русского музея императора Александра III // Старые годы. 1913. Февраль. С. 39. (Эта акварель была передана в Русский музей из Эрмитажа).

⁸⁰ Там же. С. 38.

⁸¹ Портреты для зала Совета [Академии художеств] // Старые годы. 1908. Приложение. С. 50.

⁸² Русские глазами знаменитой француженки (Русские главы из книги Анны Луизы Жермены де Сталь "Десятилетнее изгнание") // Война 1812 года и русская литература. Исследования и материалы. Тверь, 1993. С. 140.

⁸³ Там же. С. 140–141. См. также: Воспоминания госпожи де Сталь о России // Новости литературы. 1822. № 11. С. 164–165.

большое сходство по цвету и структуре с камнем travertine, из которого построена церковь святого апостола Петра в Риме⁸⁴. Итальянский колорит усиливается при входе в Казанский собор: его средние входные двери изготовлены из бронзы В.П. Екимовым по образцу восточных дверей флорентийского баптистерия (автор Л. Гиберти, 1425–1452)⁸⁵.

Великолепными по звучанию были большие колокола Казанского собора: первый, называемый праздничным, с Казанским образом Божией Матери, весом 264 пуда 13 фунтов; второй, называемый полиелейным, с изображением Пресвятой Троицы и Рождества Богородицы, весом 129 пудов 25 фунтов; третий, называемый повседневым, подаренный церкви Рождества Богородицы императором Петром III 9 февраля 1762 г., весом 61 пуд 18 фунтов (в конце XIX в. он был разбит и после этого не употреблялся); и четвертый, старейший, отлитый для церкви Рождества Пресвятой Богородицы, по распоряжению императрицы Анны Иоанновны в 1734 г.⁸⁶

Наполеоновское нашествие прервало работы по украшению Казанского собора. А в 1814 г. скончался Андрей Никифорович Воронихин (1759–1814). О том, каким виделся русскому зодчему Казанский собор во всем его великолепии, повествует П.П. Свинын. «С западной стороны имеет он полукруглую площадь, обнесенную прекрасной чугунной решеткой, по концам которой поставлены будут колоссальные изображения (статуи. — а. А.) святых апостолов Петра и Павла. Каждое из них сделано будет из цельного гранита в 9 аршин вышины. Статуи сии будут единственные в целом свете. Ибо в Египте найдены только две, которые превосходят оные величиной: они вышиной в 14 аршин, но из них одна составная»⁸⁷. В 1813 г. в Филадельфии вышла книга П.П. Свинына под названием «Sketches of Moscow and Petersburg», с 8-ю гравюрами, в том числе — и Казанского собора⁸⁸.

Полностью свой замысел — создать образец классицизма в церковной архитектуре А.Н. Воронихину, как известно, воплотить не удалось. Была построена одна колоннада, другая, такая же, должна была украсить южный фасад храма, но ее не построили. Не возвели и колокольню. На двух пьедесталах должны бы-

⁸⁴ Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси. С.-Петербургская епархия. СПб., 1908. С. 38.

⁸⁵ Там же. С. 39. См. также: История зарубежного искусства. М., 1971. С. 160–161. Иллюстрация 118.

⁸⁶ Шульц С.С. Храмы Санкт-Петербурга. СПб., 1994. С. 48.

⁸⁷ Свинын П.П. Достопамятности... С. 62.

⁸⁸ Соловьев Н. Иллюстрированные издания о России начала XIX века // Старые годы. 1908. Июль-Сентябрь. С. 555.

ли выситься бронзовые ангелы, их сделали сначала из гипса, потом убрали, так ничего и не поставив взамен.

Согласно проекту, перед собором планировался обелиск. На некоторых гравюрах того времени он действительно есть (например гравюра А. Дормье «Вид Казанского собора», 1810-е гг.), а на других нет. Нет и документов о том, что обелиск и в самом деле был построен. По некоторым данным, его сделали сначала из дерева, выкрасили под гранит, а потом снесли⁸⁹.

Почти сразу после создания Казанский собор превратился в памятник славы русского оружия. Под сводами Казанского собора в 1813 г. был похоронен фельдмаршал М.И. Кутузов — главнокомандующий русской армией, разгромившей наполеоновские войска. Место его погребения было избрано не случайно, ибо, как справедливо пишет Жермена де Сталь, «перед отъездом в действующую армию генерал Кутузов поехал помолиться в Казанский собор, и весь народ, который следовал за ним, кричал ему, чтобы он спас Россию. Какая минута для смертного! Его возраст не позволял ему надеяться пережить трудности кампании, но есть моменты, когда человек должен умереть, чтобы дать успокоение душе»⁹⁰.

После молебна протоиерей подал Кутузову медальон с изображением Казанской иконы Божией Матери. Она сопровождала фельдмаршала в течение всей Отечественной войны. Тогда же Кутузов дал обет, что «первая добыча, отнятая у врага, будет украшением сего храма».

Как бы ни относиться к стихотворчеству графа Д.И. Хвостова, но его строки, посвященные Казанскому собору (1811 г.), оказались пророческими:

Зри, Царь! И духом веселися:
Се древо плод свой принесло!
От славы к славе возносия,
Не прикоснется россам зло.
Сам Тот, Кто громом управляет,
Моря волнует и смиряет —
Господь, могущий Царь миров,
Предъидет всюду пред тобою;
Господь невидимой рукою
Искоренит твоих врагов!⁹¹

---

⁸⁹ Соколов А. Чудеса Казанского собора // Петербургский дневник. № 35. 15.09.2011. С. 11.

⁹⁰ Русские глазами знаменитой француженки... С. 158.

⁹¹ Хвостов Д.И. Ода... С. 8.

О месте упокоения прославленного полководца образно пишет П.П. Свинын: «Из храма сего, отслужив молебствие с коленопреклонением и возложив на перси свои икону святыя Казанския Божия Матери, Герой (М.И. Кутузов. — а. А.) отправился принять начальство над российской армией и провожаем был за город народом, возлагавшим на него великие надежды свои; и вскоре тот же благодарный народ привез сюда на себе драгоценные останки его для отдания ему последнего долга»⁹².

Похороны светлейшего князя состоялись 13 (25) июня 1813 г. Для погребальной колесницы хотели сделать изображения четырех ангелов, символизирующих добродетели, всегда сопутствовавшие М.И. Кутузову, — благоразумие, твердость духа, мужество и человеколюбие. Но не успели, и в последний путь полководец отправился в сопровождении одной лишь фигуры ангела-хранителя. При въезде торжественной процессии в город простой люд выпряг из траурной колесницы шестерку лошадей, впрягся в катафалк и довез его до Казанского собора с криками: «Ах, батюшка ты наш! Защитник ты наш! Мы тебя довезем хоть на край света!»⁹³

Как выглядела в те годы могила М.И. Кутузова и каков был интерьер этой части собора, можно представить себе, читая строки, написанные А.С. Пушкиным в 1831 г. во время польского восстания:

Перед гробницу святой
Стою с поникшею главой...
Все спит кругом; одни лампы
Во мраке храма золотят
Столпов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.

В твоём гробу восторг живет!

---

⁹² Свинын П.П. Достопамятности... С. 54.

⁹³ Макин С. Ум и сердце Кутузова // Наука и религия. 2003. № 4. С. 24.

Он русский глас нам издает;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине,
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас...⁹⁴

В тревожные месяцы Отечественной войны 1812 г. под сводами Казанского собора звучали слова митрополита Амвросия (Подобедова). 17 июля 1812 г. он прочитал здесь воззвание ко всем сословиям России — сплотиться, во имя веры, против общего врага. В этом призыве архипастыря были такие слова: «Властолюбивый, ненасытимый, не хранящий клятв, не уважающий алтарей, враг покушается на нашу свободу, угрожает домам нашим, на благолепии храмов Божиих еще издалеча простирает хищную руку. Сего ради взываем к вам, чада Церкви и отечества, примите оружие и щит, да сохраните верность и охраните веру отцов наших. Приносите с благодарением отечеству те блага, которыми отечеству обязаны, не шадите временного живота (земной жизни. — а. А.) вашего для покоя Церкви, пекущейся о вашем вечном животе и покое <...> Взываем к вам, мужи именитые, стяжавшие власть или право на особенное внимание своих соотечественников, предшествуйте примером вашего мужества и благородной ревности тем, которых очи обращены на вас. Да воздвигнет из вас Господь новых Навинов, одолевающих наглость Амалика, новых судей, спасающих Израиля, новых Маккавеев, огорчающих цари многи и возвеселяющих Иакова в делах своих. Наипаче же взываем к вам, пастыри и служители алтаря! Яко же Моисей, во весь день брани с Амаликом, не восхотел опустить рук, воздеянных к Богу: утвердите и вы руки ваша к молитве дотоле, доколе не оскудеют мышцы борющихся с нами. Внушайте сынам силы упования на Господа сил <...> Да будет, как было всегда, и утверждением и воинственным знамением россиян, сие пророческое слово: о Боге спасения слава»⁹⁵.

15 сентября 1812 г. в Казанском соборе праздновалась очередная годовщина коронации императора Александра I. По окончании молебна царская чета и цесаревич Константин Павлович вышли из храма и сели в карету. Николай Иванович Греч, присутствовавший при этом, так описывает увиденное.

«Государь был бледен, задумчив, но не смущен; казался печален, но тверд. Площадь была покрыта народом. Карета тихо двинулась. Государь и государы-

---

⁹⁴ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.-Л., 1937–1959. Т. 3. С. 267.

⁹⁵ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 8. СПб., 1884. С. 23.

ня кланялись в обе стороны с приветливою улыбкою доверия и любви. Народ не произносил тех громких криков, которыми обыкновенно приветствовал в торжественные дни возлюбленного монарха; все, в благоговейном безмолвии перед великою горестью русского царя, низко кланялись ему, не устами, а сердцами и взорами выражая ему свою любовь, преданность и искреннюю надежду, что Бог не оставит Своею помощью верного Ему русского народа и православного царя»⁹⁶.

13 ноября 1812 г. в Казанском соборе был оглашен Манифест (от 3 ноября), объявляющий «благодарность народу»⁹⁷. А 1 января 1813 г. здесь прозвучали слова Манифеста (от 25 декабря 1812 г.) об окончании Отечественной войны. В этот день в столице был пушечный салют, весь день раздавался колокольный звон, а вечером была иллюминация⁹⁸. Когда Александр I с победой вернулся из-за границы и вступил в Казанский собор, митрополит Амвросий (Подобедов) встретил его с крестом и святой водой. В своем обращении к императору маститый архипастырь сказал: «Благословивый тя Господь предходил пред тобою всегда, претворяя пути стропотные в пути гладки, сломяя верей железные и врата медные сокрушая. Благословивый тя, облагодатив намерение, исполнил желание твое, увенчав подвиги, прославил имя твое во всех народах, прославил имя твое, не яко завоевателя усердного, но яко победителя-христианина, укрощающего злое благом. <...> Славно о тебе и в нас Вездесущий прославися. О Божий слуга нам во благое! О благой рабе Всевышнего! Вниди в радость Господа твоего. Возьмите врата князи ваша, возмיתесь врата священные, и внидет Царь благословенно славный»⁹⁹.

Через год после смерти А.С. Пушкина один из его современников посвятил гробнице М.И. Кутузова такие строки: «Из Казанского собора Смоленский князь (Кутузов. — а. А.) вышел, приняв благословение архипастыря, для отражения врагов. В Казанском же соборе и прах его покоится, окруженный трофеями его неувядаемой славы»¹⁰⁰. Ежегодно 16 апреля перед гробницей М.И. Кутузова совершалась панихида¹⁰¹.

---

⁹⁶Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 184.

⁹⁷Северная почта. 1812. № 91.

⁹⁸Северная почта. 1813. № 2.

⁹⁹Историко-статистические сведения... С. 23–24.

¹⁰⁰Бурьянов В.И. Прогулки с детьми по Санкт-Петербургу и его окрестностям. Ч. 2. СПб., 1838. С. 207.

¹⁰¹Петров Л., прот. Справочная книга... С. 25.

Примечательна судьба высокохудожественного серебряного иконостаса, под местными иконами которого некогда значилось: «Усердное приношение Войска Донского». На это сооружение, выполненное при императоре Николае I, пошло около 100 пудов серебра, часть которого пожертвовали донские казаки, отбившие при отступлении Наполеона в 1812 г. серебряную утварь, награбленную завоевателями в московских церквях. Отнюдь не случайно серебро было передано именно в Казанский собор. Вот что писал тогда М.И. Кутузов настоятелю собора по этому поводу: «Разорители святых храмов пали под бременем своего нечестия. Ничто, похищенное у Божества, не осталось в их власти, и победители со смирением кладут на алтарь Бога святыню. <...> Серебро, 40 пудов, доставляемое мною, есть дар неустрашимых донских казаков вашему храму»¹⁰².

В дар Казанскому собору М.И. Кутузов прислал из похода и список Ченстоховской иконы Божией Матери. Этот образ был помещен в правом приделе, за левым клиросом на северном выступе стены; икона привлекала даже и иностранных поклонников-поляков¹⁰³.

Известно, что война будит низменные инстинкты, особенно, когда армия преследует поверженного противника, и возникает соблазн «грабить награбленное». Впрочем, на армейском языке это называется «взять трофеи». Сведения об этом можно почерпнуть из записок графини С. Шуазель-Гуффье. По происхождению полячка (в девичестве — Тизенгаузен), она вышла замуж за камергера русского двора — графа Антония Людовика Шуазель-Гуффье, сына известного французского дипломата и путешественника, который, будучи французским послом в Константинополе, в начале революции 1789 г. эмигрировал в Россию. (Принятый на русскую службу, он впоследствии был назначен директором Императорской Публичной библиотеки)¹⁰⁴.

Отечественная война 1812 г. застала графиню С. Шуазель-Гуффье в Литве. В Вильно она видела не только пленных французов и тела мертвых солдат, но и «любителей трофеев». «Рядом с ужасными картинами нищеты, обогатившиеся грабежами казаки продавали на ассигнации и за самую низкую цену слитки золота, серебра, жемчуг, часы и драгоценные вещи. В то же время они продолжали грабить по деревням, — сетует графиня. — Я постоянно просила Кутузова дать охрану моим знакомым. «Какие негодяи, — говорил мне при этом фельдмар-

---

¹⁰² Степанова И. Храм без креста // Русская мысль. 22.05.1992.

¹⁰³ Лебедева Е.А. Петроград и его святыни. СПб., 1993. С. 27.

¹⁰⁴ Воспоминания об императоре Александре I и императоре Николае I графини С. Шуазель-Гуффье. СПб., 1879. С. 1.

шал, — им всегда мало, — вот я заставлю их вернуть награбленное». На самом деле, он принудил казаков доставить известное количество серебряных слитков для статуи двенадцати апостолов в Казанском соборе, в Петербурге»¹⁰⁵.

Для объективности — три замечания на записки польской графини. Во-первых, из «дважды спасенного» серебра отлили не статуи апостолов, а иконостас (освящен 22 октября 1836 г., в день Казанской иконы Божией Матери). Главнокомандующий отправил драгоценный металл в Казанский собор, чтобы из него изготовили фигуры четырех евангелистов при царских вратах. На подножии каждой фигуры должна была находиться надпись: «Усердное приношение войска Донского». Но власти отнеслись к воле покойного полководца без должного уважения. Когда скульптор И.П. Мартос по эскизам А.Н. Воронихина изваял скульптуры, обер-прокурор Святейшего Синода совместно с министром просвещения сочли их «чрезмерно натуралистичными», что могло-де «пагубно отразиться на нравах верующих». И серебро пошло на соборный иконостас¹⁰⁶.

Во-вторых, в годы польско-литовского нашествия (1609–1618 гг.) незваные гости врываются в ризницы православных соборов отнюдь не в белых фраках. И, в-третьих, в ходе Отечественной войны 1812 г. поляки были союзниками Наполеона.

Но это — дела давно минувших дней. Ведь часто бывает так, что внутренний враг опаснее внешнего противника. Как писал в годы революции Александр Александрович Блок, «запирайте этажи, нынче будут грабежи!» (поэма «Двенадцать»). Вскоре после октябрьской революции иконостас Казанского собора снова был ограблен — на этот раз большевиками, и серебро отправилось за границу беспрепятственно... Возможно, когда-нибудь мы получим ответ на вопрос, который уже много лет интересует историков и биографов полководца: где знаменитая шпага М.И. Кутузова, украшенная алмазами, а также его многочисленные ордена?

М.И. Кутузов скончался в 1813 г. в Бунслау (ныне Болеславец, Польша). Когда, серьезно простудившись, М.И. Кутузов слег, жители Бунслау застелили соломой улицу перед его окнами, чтобы больного не беспокоил топот солдатских сапог и цокот копыт лошадей кавалеристов. Узнав, что болезнь серьезная, зажиточные горожане обещали лейб-медику прусского короля, которого тот пригласил для лечения русского командующего, сто тысяч талеров, лишь бы он

---

¹⁰⁵ *Шуазель-Гуффье С.* Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе. М., 1912. С. 101–102.

¹⁰⁶ *Макин С.* Ум и сердце Кутузова... С. 23–24.

поставил светлейшего князя Смоленского на ноги. У М.И. Кутузова оказалась, как тогда говорили, «нервная горячка, сопровождаемая паралитическими припадками». Ознакомившись с симптомами болезни, современные врачи поставили диагноз: полиневрит в тяжелой форме (множественное поражение нервов). Сегодня эту болезнь успешно лечат, однако тогдашняя медицина была перед нею бессильна...

Внутренние органы фельдмаршала вложили в небольшой оловянный (по другим сведениям, свинцовый) гробик, сделанный местным ремесленником, и похоронили неподалеку от города, у деревни Тиллендорф, на холме капеллы святой Анны¹⁰⁷.

В 1821 г. по указу прусского короля Фридриха Вильгельма III в Бунслау был воздвигнут 12-метровый обелиск. У подножия обелиска — лежащие львы, как бы сторожащие покой освободителя Пруссии; надпись гласит: «До сих мест довел князь Кутузов-Смоленский победоносные российские войска, но здесь смерть положила предел славным дням его. Он спас Отечество свое и отверз путь к избавлению Европы. Да будет благословенна память героя»¹⁰⁸.

По приказу прусского короля Фридриха дом М.И. Кутузова был сохранен как музей вместе со всеми находившимися там в ту пору личными вещами полководца. А он, как и многие военные, возил в обозе даже привычную мебель. К примеру, письменный стол, клавикорды.

Тот факт, что основателем музея был прусский король, помог зданию и его экспозиции сохраниться в годы немецкой оккупации. Лишь когда в город вступали советские войска, освободившие его, здание пострадало от обстрела, а вещи, как выяснилось, жители разобрали. Однако маршал И.С. Конев, которому доложили о бывшей кутузовской ставке, приказал восстановить здание и разыскать все музейные экспонаты.

Несколько десятилетий в Болеславце работал этот исторический музей. Однако в 1992 г., в связи с выходом российской армии из Польши, встал вопрос и о судьбе музея. Его решено было перевести в Петербург. В июне 1992 г., к 180-летию со дня начала Отечественной войны 1812 г., кутузовские экспонаты Бунслау-Болеславца заняли почетное место в экспозиции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи¹⁰⁹.

---

¹⁰⁷ Там же. С. 23.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Шшишкин А.А., Сатыр Т. Недаром помнит вся Россия // Санкт-Петербургские ведомости. 1992. № 123. 28.05.1992. С. 3.

Интересные сведения о событиях, связанных с разгромом наполеоновских войск, оставил граф Жозеф де Местр — посланник короля Сардинии Виктора Эммануила I. Иезуит де Местр, пребывавший в Петербурге с 1803 по 1817 гг., имел обыкновение в своих письмах сообщать о наиболее важных событиях в российской столице.

Победа над Наполеоном приближалась, и Александру I предстоял отъезд во Францию. Как и прежде, в Петербурге государь посетил Казанский собор, о чем сообщал Жозеф де Местр: «В понедельник 13/25 (июля 1814 г.) в семь часов утра после продолжительного и достославного отсутствия прибыл сюда Его Императорское Величество. Сие явилось для всех полной неожиданностью, ибо приехал он без свиты и без шума, остановился у Казанского собора, чтобы помолиться, после чего направился к себе во дворец.а <...> На другой день по приезде Его Императорское Величество повелел отслужить в Казанском соборе отменно красивый благодарственный молебен. Присутствовали император, Ее Величество императрица-мать, великий князь Константин и великая княжна Анна»¹¹⁰.

А в письме от 27 июля (8 августа) 1815 г. Жозеф де Местр рассказывает о символическом эпизоде, свидетелем которого ему довелось быть. «23 июля (4 августа), — пишет он, — мы все были собраны в Казанском соборе на благодарственном молебствии, по случаю благополучного Его Величества (Александра I. — а. А.) прибытия в Париж. Во время богослужения послышался легкий шум, и мы увидели входящего, в дорожном костюме, графа С., генерал-адъютанта императора; вслед за тем все стали со всех сторон сообщать друг другу: «Он схвачен, он схвачен, он схвачен!» Обер-гофмаршал граф Толстой приблизился к императрице и доложил ей что-то, отчего ее лицо засияло радостью; она подождала французского посланника и сообщила ему о захвате Наполеона у острова Ре. Никогда подобное известие не могло прийти так кстати»¹¹¹.

После победы в войне 1812–1813 гг. в Казанском соборе были размещены 107 трофейных знамен и штандартов, жезл наполеоновского маршала Л.Н. Даву, 93 ключа от 17 городов и крепостей, взятых русской армией во время похода по Европе.

---

¹¹⁰ *Местр де Ж.* Письмо графу ** от 17(29) июля 1814 г. // *Петербургские письма.* СПб., 1995. С. 256. Императрица-мать — Мария Федоровна (1759–1828), урожденная принцесса София Доротея Августа Луиза, дочь принца Фридриха Евгения, впоследствии герцога Вюртембергского, вторая жена императора Павла I (с 1776 г.).

¹¹¹ Письма графа Жозефа де Местра из Петербурга в Сардинию // *Русский архив.* 1912. № 2. С. 175–176.

После победы над Наполеоном император Александр I, прусский король Фридрих-Вильгельм III и австрийский император составили так называемый Священный Союз, созданный для сохранения посленаполеоновских порядков в Европе. Нередко они пользовались случаем продемонстрировать другим правительствам свое полное единодушие и силу. Летом 1818 г. жителям столицы довелось быть свидетелями грандиозных событий, происходивших в течение нескольких дней. Речь идет о полосе празднеств, связанных с посещением России прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III в июне 1818 г. Он был отцом великой княгини Александры Федоровны, годом ранее сочетавшейся браком с великим князем Николаем Павловичем. Великокняжеская (а позже императорская) чета 17 апреля 1818 г. была обрадована рождением сына, Александра Николаевича. Поскольку среди следующего поколения «Павловичей» никаких других реальных наследников тогда (да и позже) не имелось, то современники увидели в появившемся на свет младенце будущего царя, что и совершилось в действительности, — позже он стал Александром II.

О намеченной поездке в Россию сообщалось еще весной, а после 17 апреля у Фридриха-Вильгельма III появился серьезный повод навестить родную дочь, поддержать на руках внука и обсудить политические дела со своим новым родственником — русским царем. О событиях тех дней много писали газеты, но наиболее подробную картину дают камер-фурьерские журналы. Вот как описывается там торжественный въезд двух монархов со своими свитами в Санкт-Петербург 22 июня 1818 г.: «<...> Для сего ж церемониального въезда войска в Параде расставлены были лейб-гвардии и других полков конные и пешие следующим порядком, начиная от Московской заставы на Обухов мост, по Фонтанке к Аничкову дворцу, по Невскому проспекту и вокруг Дворцовой площади к Зимнему дворцу по одной только левой стороне. <...> Как скоро изволили въехать в город за Московскую заставу, тогда началась пушечная пальба из поставленных на поле артиллерии и из Санкт-Петербургской крепости, а при церквях в городе произведен колокольный звон. <...> От поставленных войск при игрании музыки везде была отдаваема воинская почеть, как от войск, так и от народа восклицается ура! И прибыть соблаговолили в Казанский собор, где по благополучию их приезда отправляем был митрополитом Михаилом с придворным духовенством благодарственный молебен <...>»¹¹².

В богатой ризнице собора хранились священные сосуды (парижской работы), пожертвованные императором Александром I в 1815 г. после триумфально-

---

¹¹²РГИА. Ф. 516. Оп. 29—1619. Ед. хр. 14. Л. 379 об. — 381 об.

го возвращения в Россию. В соборе хранились «памятники русской храбрости» — трофеи Отечественной войны 1812 г.: 114 знамен, 28 ключей от покоренных крепостей и городов и маршальский жезл Даву, отбитый 5 ноября 1812 г.¹¹³

В 1824 г. в Петербург приехала уже упоминавшаяся выше графиня С. Шуазель-Гуффье; здесь посетила главные храмы российской столицы. Судя по воспоминаниям графини, Казанский собор произвел на нее особенно сильное впечатление. «Я посетила чудную церковь Казанской Божией Матери, которой справедливо восхищаются, — с внешней стороны — величественной и благородной архитектурой, а с внутренней стороны — массой заключающихся в этой церкви золотых и серебряных предметов, ослепляющих глаза; сияющий вид храма напоминает некогда существовавший в Лиме храм Солнца»¹¹⁴, — писала она.

Как и Ж. де Местр, графиня С. Шуазель-Гуффье была современницей исторического события, весть о котором она получила именно в Казанском соборе. Известие о смерти императора Александра I, скончавшегося в Таганроге, пришло в Петербург в то время, когда в соборе служили молебен о его здравии. «Молебен еще не кончился, как Великий Князь Николай получил последнее печальное известие, — пишет графиня, присутствовавшая в храме за богослужением. — Он вошел в церковь, и всех поразила быстрая перемена в его лице, расстроенном печалью. Он не хотел и не мог нанести сердцу матери столь страшный удар и помнил, что одна религия способна смягчить его. Все заметили, что митрополит пошел навстречу императрице, неся в дрожащих руках Распятие, покрытое черным флером. <...> По его медленной и торжественной поступи, по тому вечному знамению страдания, которое было в его руках, несчастная мать догадалась, что выпало на ее долю, и, подобно Матери Господа нашего, бессильно упала перед Распятием. Какая тяжелая сцена, какая картина для великого художника! Внутренность удивительного Казанского собора, блиставшая золотом и огнем; служитель Церкви в богатом облачении, всем существом своим выражавший неотразимую и тихую скорбь, таинственный свет храма, смешавшийся со светом свечей; еще курившийся ладан перед алтарем; эта смена радостной молитвы скорбью, — какой сюжет для нового Рафаэля! Сколько материала для великого произведения искусства!»¹¹⁵

Эти строки перекликаются с дневниковой записью графа Ф.В. Ростопчина (или Растопчина) (1763–1826), современника тех событий: «Когда 27-го было

---

¹¹³Петров Л., *прот.* Справочная книга... С. 25.

¹¹⁴Шуазель-Гуффье С. Исторические мемуары... С. 230.

¹¹⁵Там же. С. 271. См. также: Воспоминания об императоре Александре I... С. 229–230.

получено в Петербурге известие, что государю лучше, служили благодарственный молебен. Императрица Мария была в Казанском соборе, и во время служения молебна пришло известие о смерти. Ей сделалось дурно; видя ее в этом положении, великий князь Николай Павлович также лишился чувств»¹¹⁶.

О том, как развивались дальнейшие события, повествует Анна Осиповна Смирнова-Россет (1810–1882), фрейлина императриц Марии Феодоровны и Александры Феодоровны, дружившая со многими писателями и поэтами. Анна Осиповна вспоминает о тех событиях так, как они запомнились ей, 15-летней девушке: «Казаки везли шагом из Таганрога тело покойного императора, оставившись в городах и у всех церквей служили литии. Гроб был закрыт и поставлен в Казанском соборе. Казаки в память того, с которым они воевали по всей Европе, жертвовали серебро на иконостас. Все жители Петербурга сочли долгом поклониться тому, который с такой славой умиротворил Европу. Всем известны стихи на возвращение покойного:

Ты возвратился, благодатный,
Наш кроткий ангел, луч с небес¹¹⁷.

Все институты облеклись в черные передники, и нас возили в Казанскую. Признаться надобно, что для нас это было *partie de plaisir* (увеселительная прогулка. — *а. А.*), потому что мы катались в придворных экипажах только на масленицу и на святой»¹¹⁸.

Скорбное повествование продолжает леди Э. Дисброо, жена английского посланника в Петербурге. Как известно, тело покойного Александра I было доставлено из Таганрога в город на Неве. (5 марта 1826 г. гроб с телом императора был поставлен в Чесменскую дворцовую церковь, откуда на следующий день был перевезен в Казанский собор (там он находился в течение 7 дней) и уже потом — в Петропавловскую церковь, где было произведено отпевание и погребение).

«Прошлую субботу мы были на церемонии перевезения тела покойного императора в Казанский собор», — сообщала леди Э. Дисброо в письме от 8 (20) марта 1826 г. (Похороны императора были назначена на 2 (14) марта.) «Мы, дамы дипломатического корпуса, — продолжает Э. Дисброо, — получили особое

---

¹¹⁶Из записок графа Ф.В. Раstopчина // Десятнадцатый век. Исторический сборник. Кн. 2. М., 1872. С. 144.

¹¹⁷Кантата Державина, исполнявшаяся на празднестве в Павловске по случаю возвращения Александра I в Петербург 27 июля 1814 г.

¹¹⁸*Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 141–142.

приглашение быть в девять часов в церкви и оставаться до окончания церемонии. Мы собрались в церковь рано и пробыли там от половины 11-го до трех». В записках англичанки имеются отрывочные сообщения о церемонии погребения; разумеется, она обращала внимание более на внешнюю сторону происходившего. «Печальная колесница была золотая, с высоким катафалком. <...> Вдовствующая императрица вошла первая. За гробом следовали государь с государыней, герцог Веллингтон и чины, несшие регалии. <...> Церковь при полном освещении была красивее, чем можно было предполагать»¹¹⁹.

Приложение 1

Ж. де Местр. Письмо королю Виктору Эммануилу I.¹²⁰

27 сентября / 9 октября со смертью графа Александра [Сергеевича] Строганова, обер-камергера, кавалера голубой ленты, президента Академии Художеств и т. д. и т. д., скончавшегося на шестьдесят восьмом году жизни после короткой болезни, окончательно прекратил свое существование двор Екатерины II. Он оставил почти 600 000 рублей ренты и долгов на 3 миллиона, картины, медали, раритеты всяческого рода и бесценную мебель. <...>

Он был великим покровителем искусств и посвятивших себя оным юношей, но с русским фанатизмом к национальным талантам, по крайней мере фанатизмом внешним, ибо, полагаю, в душе он хорошо понимал суть дела. Страстью его и главным предметом всех его мыслей был собор Казанской Божией Матери, сооружаемый здесь с огромными расходами вот уже десять лет на месте жалкой хибары, выстроенной Петром I, которой стыдилась бы любая мало-мальски зажиточная пьемонтская деревня. Нынешний Император есть Соломон сего храма, а Давидом был Павел I. Когда его спросили, что он предпочитает и какие будут приказания, царь, как мне рассказывали, ответил: «Я хочу немного от Св. Петра и немного от Санта-Мария-Маджоре в Риме».

Трудно вообразить себе более изысканный вкус. Ему представили не знаю уж сколько планов, и он даже подписал один, который мне довелось видеть; но здесь замешалась интрига: граф Строганов выступил с одним молодым архитектором по имени Воронихин, состоявшим при его особе и почитающимся всеми за его сына. Граф каким-то образом устранил все иностранные проекты, и Воронихину поручили сей труд под руководством покровителя его, хотя он не выстроил еще ни единого дома. <...> Поелику план был утвержден, и уже началось его исполнение, Александр из уважения к памяти отца своего не пожелал слушать никаких возражений, и постройка была доведена

¹¹⁹ *Дисброо Э.* Петербургская жизнь в 1825–1827 гг. // Русская старина. 1904. Т. 117. Январь–Март. С. 202–203.

¹²⁰ *Местр де Ж.* Письмо королю Виктору Эммануилу I. 31 октября (12 ноября) 1811 г. // Петербургские письма. 1803–1817. СПб., 1995. С. 182–185.

до конца. Сам граф Строганов привносил в дело неслыханное усердие, он называл сие сооружение моя церковь, что, кстати сказать, вполне справедливо. Как-то он удостоился чести принимать у себя Императора за обедом и в порыве воодушевления сказал: «Наконец, государь, нам не нужны чужеземные таланты; у нас есть все свое». На сие Император ответил ему: «В таком случае налейте-ка мне мадеры», — и подал свой бокал. Император Александр совершенно искренне не обращает внимания на все сии национальные глупости, и, быть может, даже плохо, что он недостаточно русский.

Сама церковь представляет собой набор погрешностей противу канонов архитектуры и, кроме сего, слишком уж мала для такой столицы, как Санкт-Петербург; тем не менее поражает она красотой материалов, не имеющих себе равных, и некоторыми частями, свидетельствующими о таланте русских. День, которого вот уже десять лет ждал бедный граф Строганов, наступил наконец 15 / 27-го прошлого сентября; помпезное торжество собрало огромную толпу, присутствовал весь двор: граф поднес Императору ключи, а сей последний вручил ему диплом действительного тайного советника первого класса. Это самый высший государственный чин, равный фельдмаршалу и присваиваемый лишь в крайне редких случаях; обычно его имеет только канцлер. Тогда таковых особ было три: граф Румянцев, князь Алексей Куракин в Париже и граф Строганов; но сему последнему не суждено было оставаться долго в сем качестве. <...> 26 октября / 8 ноября он <...> обратился к доверенному своему секретарю: «Не оставляйте меня одного, завтра великий для меня день, и в любую минуту могут понадобиться священники». 27-го рано утром граф велел призвать их; когда они явились, он сел на постели и сам прочел все молитвы умирающих, после чего причастился и пожелал видеть сына и невестку; благословив, он нежно их расцеловал и отослал прочь, желая остаться наедине с самим собой. В час пополудни граф Строганов спокойно скончался. Смерть сию почитают великолепной и едва не причислили сего человека к лику святых. Племянница его госпожа Нарышкина, жена обер-гофмейстера, сказала мне с поразительным спокойствием: «Ах, граф, какая смерть! Можно сказать, что и умер-то он так же, как жил». <...>

Похороны графа Строганова стоили 50 000 рублей; тело его лежало шесть дней на катафалке со свечами, который воздвигнут был в его большой столовой зале, где столько рассказывал он мне о своих безумных приключениях; я почти всякий день являлся туда к вечерней или утренней службе, ибо обязан сим знаком внимания за все то, что встречал в этом доме. Здесь принято в день похорон приходить к дому умершего и провожать его на кладбище; обычно едут за гробом в экипаже, однако ежели хотят оказать наивысшие почести, то идут пешком с обнаженной головой; впрочем, сей долг касается лишь родственников и близких друзей. Траурную процессию возглавляют дети и прочие члены семьи.

От строгановского дворца до Невского монастыря, где хоронят знатных особ, расстояние в три или четыре версты; таковой променад по большой Невской перспективе занимает полтора часа. Хотя погода была довольно скверная, пешком шли более пятидесяти человек: в числе оных оказался и я. <...> Противу обыкновения отпевание

было не в Невском монастыре, а в Казанском соборе. Граф просил о сем у императора (который здесь есть папа) и получил согласие; новый собор стоит прямо на пути к монастырю, и процессии не надобно было отклоняться в сторону. Во время заупокойной службы умерший лежит на возвышении в лучшем своем одеянии. Над гробом на четырех колоннах поставлен был великолепный балдахин малинового бархата, расшитый золотом, поскольку Греческая Церковь не употребляет при похоронах мрачных цветов, и я охотно присоединился бы к таковому обычаю. По окончании службы все родственники, начиная с самых близких, а потом и друзья поднимаются к катафалку и целуют руку или грудь умершего: это называется прощание, и церемония сия до крайности трогательна. После сего гроб закрывают, и все кончено. Я тоже вместе с малым числом особ прощался с бедным графом.

Источники и литература

1. *Авсеенко В.Г.* 200 лет С.-Петербурга. Исторический очерк. СПб., 1903.
2. *Ассебург А.Ф. фон дер.* Записка о воцарении Екатерины II // Русский архив. 1879. Т. 1.
3. *Бартенев П.И.* Жильбер Ромм (1750–1795). К истории образованности нового времени // Русский архив. 1887. № 1.
4. *Бенуа А.Н.* Рассадник искусства // Старые годы. 1909. № 4.
5. *Богданов А.И.* Историческое, географическое и топографическое описание С.-Петербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб., 1779.
6. *Бурьянов В.И.* Прогулки с детьми по Санкт-Петербургу и его окрестностям. Ч. 2. СПб., 1838.
7. *Вейч К.* Письмо лорду Г.Д. Картерету. СПб., 5 июля 1743 г. (16 июля н. ст.) // Сб. РИО. Т. 99. СПб., 1897.
8. Лавры, монастыри и храмы на святой Руси. Санкт-Петербургская епархия. СПб., 1908.
9. *Воинов В.В.* Пелла // Старые годы. 1916. № 12.
10. Воспоминания госпожи де Сталь о России // Новости литературы. 1822. № 11.
11. Воспоминания об императоре Александре I и императоре Николае I графини С. Шуазель-Гуффье. СПб., 1879.

12. Врангель Н.Н. Скульптуры XVIII века в России // Старые годы. 1907. Июль.
13. Гельбиг Г. фон. Русские избранники и случайные люди // Русская старина. 1886. Апрель.
14. Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794.
15. Донесение графа Мерси д'Аржанто императрице Марии-Терезии и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу от 12 июля 1763 г. / Изд. Г.Ф. Штендмана // Сб. РИО. Т. 46. СПб., 1885.
16. Грабарь И.Э. Ранний александровский классицизм и его французские источники // Старые годы. 1912. № 7–9.
17. Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990.
18. Державин Г.Р. Записки. М., 2000.
19. Дисброо Э. Петербургская жизнь в 1825–1827 гг. // Русская старина. 1904. Т. 117. Январь–Март.
20. Дюма А. Путевые впечатления в России. Т. 2. М., 1993.
21. Из записок графа Ф.В. Ростопчина // Деятнадцатый век. Исторический сборник. Кн. 2. М., 1872.
22. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 8. СПб., 1884.
23. История зарубежного искусства. М., 1971.
24. Жихарев С.П. Записки современника. М. – Л., 1955.
25. Жоржель Ж.Ф., аббат. Путешествие в Санкт-Петербург. М., 1913.
26. Записка баварца о России времен императора Павла / Пер. с франц. рукописи / Пуб. Е. Шумигорского // Русская старина. 1899. Т. 99.
27. Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // Русский архив. 1877. Т. 1.
28. Записки императрицы Екатерины II. М., 1989.
29. Записки Михаила Гарновского 1786–1790 гг. // Русская старина. 1876. Т. 16. № 5–8.

30. *Иннокентий (Нечаев), архиеп.* Слово в торжественный день бракосочетания Их Императорских Высочеств благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича и благоверных государыни великой княгини Наталии Алексеевны, проповеданное синодальным членом Иннокентием, архиепископом Псковским и Рижским, в Санкт-Петербургской Казанской церкви 1773 года сентября 29 дня. СПб., 1773.
31. Краткое описание Санкт-Петербургского Казанского собора. СПб., 1895.
32. *Кобеко Д.Ф.* Скульптор Ж.Д. Рашетт и его произведения // Вестник изящных искусств. 1883. Т. 4.
33. *Лебедева Е.А.* Петроград и его святыни. СПб., 1993.
34. *Линковский В.* Архитектурные модели в России // Старые годы. 1910. Декабрь.
35. *Макарий (Миролюбов), архиеп.* Сказание о жизни и трудах преосвященного Гавриила, митрополита Новгородского и С.-Петербургского. СПб., 1857.
36. *Макин С.* Ум и сердце Кутузова // Наука и религия. 2003. № 4.
37. *Местр де Ж.* Письмо графу ** от 17(29) июля 1814 г. // Петербургские письма. СПб., 1995.
38. *Де Местр Ж.* Письмо королю Виктору Эммануилу I. 31 октября (12 ноября) 1811 г. // Петербургские письма. 1803–1817. СПб., 1995. С. 182–185.
39. *Моран П.* Павел I до восшествия на престол (1754–1796). М., 1912.
40. *Нерадовский П.И.* О некоторых новых приобретениях Русского музея императора Александра III // Старые годы. 1913. Февраль.
41. Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины II. СПб., 1874.
42. *Петров Л., прот.* Справочная книга для петербургских богомольцев. СПб., 1883.
43. *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга. СПб., 1885.
44. Письма графа Жозефа де Местра из Петербурга в Сардинию // Русский архив. 1912. № 2.
45. Письмо графа А.С. Строганова президенту Академии наук Н.Н. Новосильцеву // Старые годы. 1911. № 10.

46. Письмо Екатерины II к барону Гримму от 30 августа 1774 г. // Русский архив. 1878. Кн. 3.
47. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). № 8779. Т. 11 (1740-1743 гг.). СПб., 1830.
48. Портреты для зала Совета [Академии художеств] // Старые годы. 1908. Приложение.
49. Приказание Екатерины II от 22 октября 1762 г. // Сб. РИО. Т. 7. СПб., 1871.
50. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. М. – Л., 1937–1959. Т. 3.
51. *Рондо Д.В.* Письма дамы, прожившей несколько лет в России, к ее приятельнице в Англию // Безвременье и временщики: воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720–1760 гг.). Л., 1991.
52. *Рондо К.* Письмо лорду Гаррингтону. СПб., 3 июля 1739 г. (14 июля н. ст.) // Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 80. СПб., 1892.
53. Россия и Испания. Документы и материалы 1667–1917 гг. Т. 1. М., 1991.
54. Русские глазами знаменитой француженки (Русские главы из книги Анны Луизы Жермены де Сталь "Десятилетнее изгнание") // Война 1812 года и русская литература. Исследования и материалы. Тверь, 1993.
55. *Савваитов И.* О предике Вологодского епископа Амвросия (Юшкевича) на бракосочетании принцессы Анны Леопольдовны с герцогом Антоном Ульрихом 3 июля 1739 г. // Русский архив. 1871.
56. *Свиньин П.П.* Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. Ч. 1. СПб., 1816.
57. *Северцев (Полилов) Г.Т.* С.-Петербург в начале XIX века // Исторический вестник. 1903. Май. Т. 92.
58. *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989.
59. *Соколов А.* Чудеса Казанского собора // Петербургский дневник. № 35. 15.09.2011.
60. *Соловьев Н.* Иллюстрированные издания о России начала XIX века // Старые годы. 1908. Июль-Сентябрь.
61. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. 11.

62. *Степанова И.* Храм без креста // Русская мысль. 22.05.1992.
63. *Хвостов Д.И.* Ода на освящение Казанския церкви 1811 года сентября 15 дня. СПб., 1811.
64. *Шишкин А.А., Сатыр Т.* Недаром помнит вся Россия // Санкт-Петербургские ведомости. 1992. № 123. 28.05.1992.
65. *Штелин Я.Я.* Записки об изящных искусствах в России. Т. 1. М., 1990.
66. *Шуазель-Гуффье С.* Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе. М., 1912.
67. *Шульц С.С.* Храмы Санкт-Петербурга. СПб., 1994.

(Продолжение следует)